

Л. Воронкова



**ДЕВОЧКА
ИЗ
ГОРОДА**

Издательство „Детская литература“

Scan Kreyder - 24.07.2018 - STERLITAMAK

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

Л. Воронкова

**ДЕВОЧКА
ИЗ
ГОРОДА**



МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1972

P2
B75

РИСУНКИ
А. Пармонова



Как девочка в синем капоре появилась в селе Нечаеве

Фронт был далеко от селá Неча́ева. Неча́евские колхо́зники не слышали грóхота ору́дий, не ви́дели, как бы́ются в небе самолёты и как полыхáет по ночáм зáрево пожа́ров там, где враг проходи́т по ру́сской землѣ. Но оттúда, где был фронт, шли че́рез Неча́ево бе́женцы. Онѝ тащи́ли сала́зки с узелка́ми, го́рбились под тяжестью су́мок и мешко́в. Цепля́ясь за пла́тье матерѣй, шли и в́язли в снегу́ ребя́тишки. Останáвливались, грѣлись по й́збам и шли да́льше.

Одна́жды в су́мерки, когда́ тень от ста́рой берѣзы протя́нулась до са́мой жи́тницы, в избу́ к Шали́хиным посту́чались.

Рыжеватая проворная девочка Тайска бросилась к боковому окну, уткнулась носом в проталину, и обе её косички весело задрались кверху.

— Две тётеньки! — закричала она. — Одна молодая, в шарфе. А другая совсем старушка, с палочкой. И ещё... глядите — девчонка!

Груша, старшая Тайскина сестра, отложила чулок, который вязала, и тоже подошла к окну:

— И правда девчонка. В синем капоре...

— Так идите же откройте, — сказала мать. — Чего ждёте-то?

Груша толкнула Тайску:

— Ступай, что же ты! Всё старшие должны?

Тайска побежала открывать дверь. Люди вошли, и в избе запахло снегом и морозом.

Пока мать разговаривала с женщинами, пока спрашивала, откуда они, да куда идут, да где немцы и где фронт, Груша и Тайска разглядывали девочку:

— Гляди-ка, в ботиках!

— А чулок рваный!

— Гляди, в сумку свою как вцепилась, даже пальцы не разжимает. Чего у ней там?

— А ты спроси.

— А ты сама спроси.

В это время явился с улицы Романок. Мороз надрал ему щёки. Красный, как помидор, он остановился против чужой девочки и вытаращил на неё глаза. Даже ноги обместі забыл.

А девочка в синем капоре неподвижно сидела на краешке лавки. Правой рукой она прижимала к груди жёлтую сумочку, висевшую через плечо. Она молча глядела куда-то в стену и словно ничего не видела и не слышала.

Мать налила женщинам горячей похлёбки, отрезала по куску хлеба.

— Ох, да и горемыки же! — вздохнула она. — И самим нелегко, и ребёнок мается... Это дочка ваша?

— Нет, — ответила женщина, — чужая.

— На одной улице жили, — добавила старуха.

Мать удивилась:

— Чужая? А где же родные-то твои, девочка?

Девочка мрачно поглядела на неё и ничего не ответила.

— У неё никого нет, — шепнула женщина, — вся семья погибла: отец — на фронте, а мать и братишка — здесь. Убиты...

Мать глядела на девочку и опомниться не могла.

Она глядела на её лёгонькое пальто, которое, наверно, насквозь продувает ветер, на её рваные чулки, на тонкую шею, жалобно белёющую из-под синего капора...

Убиты. Все убиты! А девочка жива. И одна-то она на целом свете!

Мать подошла к девочке.

— Как тебя зовут, дочка? — ласково спросила она.

— Вáля, — безучастно ответила девочка.

— Вáля... Валентина... — задумчиво повторила мать. — Валентинка...

Увидев, что женщины взялись за котомки, она остановила их:

— Оставайтесь-ка вы ночевать сегодня. На дворе уже поздно, да и позёмка пошла — ишь как заметает! А утречком отправитесь.

Женщины остались. Мать постелила усталым людям постели. Девочке она устроила постель на тёплой лежанке — пусть погрееется хорошенько. Девочка разделась, сняла свой синий капор, ткнулась в подушку, и сон тотчас одолел её. Так что, когда вечером пришёл домой дед, его всегдашнее место на лежанке было занято, и в эту ночь ему пришлось улечься на сундуке.

После ужина все уgomонились очень скоро. Только мать ворочалась на своей постели и никак не могла уснуть. Ночью она встала, зажгла маленькую синюю лампочку и тихонько подошла к лежанке. Слабый свет лампы озарил нежное, чуть разгоревшееся лицо девочки, большие пушистые ресницы, тёмные с каштановым отливом волосы, разметавшиеся по цветастой подушке...

— Сиротинка ты бедная! — вздохнула мать. — Только глаза на свет открыла, а уж сколько горя на тебя навалилось! На такую-то маленькую!..

Долго стояла возле девочки мать и всё думала о чём-то. Взяла с пола её ботики, поглядела — худые, промокшие. Завтра эта девчужка наденет их и опять пойдёт куда-то... А куда?

Рано-рано, когда чуть забрестило в окнах, мать встала и затопила печку.

Дед поднялся тоже: он не любил долго лежать. В избе было тихо, только слышалось сонное дыхание да Романок посापывал на печке.

В этой тишине при свете маленькой лампы мать тихонько разговаривала с дедом.

— Давай возьмём девочку, отец, — сказала она. — Уж очень её жалко.

Дед отложил валенок, который чинил, поднял голову и задумчиво поглядел на мать.

— Взять девочку?.. Ладно ли будет? — ответил он. — Мы деревенские, а она из города...

— А не всё ли равно, отец? И в городе люди, и в деревне люди. Ведь она сиротинка! Нашей Тайске подружка будет. На будущую зиму вместе в школу пойдут...

Дед подошёл, посмотрел на девочку:

— Ну что же... Гляди. Тебе виднее. Давай хоть и возьмём. Только смотри, сама потом не заплачь с нею!..

— Авось да не заплачу.

Вскóре поднялись и Валентинкины спóтницы и стáли собирáться в путь. Но когдá они хотéли будить дéвочку, мать остановила их:

— Погодите, не нáдо будить. Остáвьте Валентинку у меня! Если кто родные найдётся, скажите: живёт в Нечáеве, у Дáрьи Шалéхиной. А у меня было трóе ребят, — ну, бóдет чéтверо. Авóсь проживём!

Жéнщины поблагодарили хозяйку и ушли. А дéвочка остáлась.

— Вот у меня и ещё однá дóчка, — сказа́ла задумчиво Дáрья Шалéхина, — дóчка Валентинка... Ну что же, бóдем жить.

Так появилсá в селé Нечáеве нóвый человек.

Утро

Валентинка не помнила, как усну́ла на тёплой лежáнке. Голосá слились и отдалились, бóдто гдé-то смóтно бормотáло рáдио.

Откóда-то появилсá старик с космáтыми бровями, наклонился над ней, чтó-то говорыл. И потóм пропáл. Был он на сáмом дéле или присни́лся Валентинке?

Она́ просну́лась оттого́, что звя́кнули ведрóм. Ей показáлось, что э́то пúля звя́кнула в окнó, и она́ вскочила, éле сдержáв крик: «Стреля́ют!»

Но тут же опóмнилась. Тишина́ окружáла её. На бревéчатых стéнах, проконопáченных свéтлой пáклею, лежáли блéдные солнечные пóлосы. Заморóженные окóшки тóхо светились. Какие мáленькие окóшки! Совсём не похóжие на те высóкие óкна, котóрые бýли в их дóме.

Их дом! Мёртвые сéрые стéны с ды́рами вмéсто óкон, гóуды извёстки и кирпичá вóзле дверéй — вот каким в послéдний раз она́ ви́дела э́тот дом...

Густое тепло окутывало Валентинку. Оно проникало сквозь подстилку — лежанка была хорошо прогрета. Оно заполняло густые завитки бараньего тулупа, которым была укрыта Валентинка. В первый раз за много дней и ночей она почувствовала, что согрелась.

А ей среди снеговых просторов уже начинало казаться, что всё её тело пронизано тонкими льдинками, которые больше никогда не растают. А вот сейчас она чувствует, что этих льдинок больше нет и что вся она живая и насквозь теплая.

В кухне хозяйка топилла печь. Весёлые отблески огня играли на стене. На печке кто-то сладко посапывал. Валентинка заглянула туда. Краснощёкий, вихрастый парнишка крепко спал, оттопырив губы.

«Романок! — вспомнила Валентинка. — А где же девочки?» И тотчас почувствовала, что на неё кто-то смотрит. Валентинка приподнялась, оглянулась. Солнечные полосы на стенах стали ярко-жёлтыми, на замороженных стёклах заиграли огоньки. Солнечный денёк начинался на улице!

А из угла, из-за спинки грубой деревянной кровати, любопытными глазами глядела на неё рыжеватая девчонка. Светлые косички, будто рогульки, торчали кверху. Валентинка узнала Тайску.

— А твой тётечки ушли! — сказала Тайска.

Валентинка встревоженно оглядела избу:

— Ушли? А меня... А я как же?

— А ты у нас будешь жить. Мне мамка сказала. Тебе хочется у нас жить?

— Не знаю. Мне всё равно.

— А ты фашистов видела? Они страшные?

Валентинка молчала. Когда начинали говорить про войну, у неё каменело сердце. Но Тайска не унималась:

— А фашисты прямо к вам в дом пришли, да?..

Из кухни появилась мать.

— Это кто здесь про фашистов затеял? — сердито сказа́ла она́. — Бо́льше разгово́ров не нашли́? Карто́шка сварилась, встава́йте чи́стить!

Пото́м подошла́ к Валенти́нке и ла́сково спроси́ла:

— Отогрéлась?

Тайска живо соскочила с постели и растолкала Гру́шу. Гру́ша поднялась лениво. Она́ была́ пухлая, бе́лая, похо́жая на бу́лку. Она́ одева́лась, а сны все́ ещё снились ей. Дале́кими глаза́ми посмотре́ла она́ на Валенти́нку: мо́жет, и Валенти́нка ей то́же снится?

Де́вочки уселись вóзле чугуна́ с карто́шкой. Над чугуно́м поднимался горя́чий пар.

— Ма́мка, гляди́-ка! — шепнула́ Тайска, показыва́я на Гру́шу.

Гру́ша в полусне́ вме́сто ножа́ взяла́ ло́жку и води́ла ёю по карто́шке. Ма́ть и Тайска гро́мко рассмеялись. Гру́ша очну́лась, бро́сила ло́жку и сказа́ла:

— Тогда́ пусть и Валенти́нка встаёт карто́шку чи́стить. Ста́ршие чи́стят, а она́ нет?

— Встава́й, до́чка, пора́! — сказа́ла ма́ть.

Валенти́нка с сожалéнием вы́лезла из-под тулу́па. Она́ умы́лась над ка́дкой и то́же подошла́ к чугу́ну.

Как чудно́! Чужа́я же́нщина зовет её до́чкой. Знача́ит, и Валенти́нка должна́ называ́ть её ма́мой?

Валенти́нка чи́стила горя́чую карто́шку, обжигала́ па́льцы, а сама́ то и де́ло взгляды́вала на хозяйку. Ху́денькая же́нщина с гла́дкими све́тло-ру́сыми волоса́ми. На лбу́ у неё три морщи́нки. Сквозь рыжева́тые ресни́цы ве́село поглядываю́т я́ркие си́ние глаза́. Мо́жет быть, она́ до́брая... То́лько совсе́м-совсе́м не похо́жа она́ на молодую́ черноволóсую Валенти́нину ма́му.

«Ма́ма! Ма́мочка!..»

Страшный дед. Тайске попадает от матери

Дверь хлопнула. Кто-то вошёл в избу. Валентинка оглянулась и чуть не уронила картошину. Лохматый старик, который пригрезился ей вчера, стоял у порога и снимал полушубок.

— Кто это? — прошептала она.

— Это наш дедушка, — ответила Тайска. — Отцов отец. Какие густые белые у него кудри! И какие косматые брови, даже глаз не видно!

Вот таким стариком пугали Валентинку, когда она была совсем маленькая: «Если будешь плакать, придёт старик с мешком и заберёт тебя!» Теперь она будет жить у этого старика в доме и называть его дедушкой. А он, как видно, сердитый...

Мать поставила на стол блюдо картошки со шкварками.

Романок почувствовал вкусный запах и сразу поднял вихрастую голову:

— Ишь какие. Сами едят, а меня не зовут!

— Спать-то и не ёвши можно, — ответил дед.

Но Романок уже соскочил с печки.

Валентинка не знала, куда ей садиться.

— Садись к окошку! — шепнула ей Тайска.

Валентинка села. Это было самое удобное место: и никто не толкает, и можно в проталинку заглядывать на улицу.

— Мамка! — вдруг закричала Груша. — Ну посмотри, она на моё место села!

— Ну и что ж! — ответила мать. — Пусть сидит.

— Нет, не пусть! Я всегда там сижу... Уходи оттуда, постарше тебя есть!

Валентинка молча встала. Но когда она хотела сесть на табуретку, которая стояла рядом, Романок закрыл её руками:

— Не садись! Это я принёс!



— Иди сюда, — сказала мать Валентинке, — садись рядом со мной. Да руки-то, не стесняйся, протягивай. Бояться тебе никого — ты теперь здесь не чужая.

Ребята с аппетитом ели горячую картошку. Романок всё старался подцепить шкварку пожирнее.

Только Валентинка сидела молча, положив руки на колени, и не знала, что делать, — у неё не оказалось ложки.

— Ты что же не ешь? — спросила мать. — У нас зевать некогда — как раз без завтрака останешься.

Романок и Тайска переглядывались и потихоньку смеялись чему-то.

— Ты что же это, видно, картошку не любишь? — сказал дед. — Ну, да ведь у нас не город — колбасу не продают.

Валентинка сидела опустив голову. Она думала, что это ей нарочно не дали ложку и теперь смеются. Может, ей встать и уйти из-за стола?

— Да у неё ложки нет! — догадалась Груша. — Куда же она ложку дёла? Ведь я всем подала.

— Как так — нету? — живо сказала Тайска. — Да вот она лежит.

И она отодвинула хлебную ковригу, за которой притаялась деревянная ложка.

— Это что ещё? — закричала мать. — Что за фокусы?.. Валентинка, возьми ложку да хлопни её по лбу, чтоб ей в другой раз неповадно было!

И тут же сама хотела хлопнуть Тайску. Но девчонка живо юркнула под стол.

— Вот и сиди там! — сказала мать. — Мало тебе над Романком мудрить, так теперь к другой привязалась?.. А ты, Валентинка, что сидишь, как курица? Видишь — ложки нет, кричи: «Дайте мне ложку!» Разве можно себя в обиду давать?

— А меня Тайска один раз на худой стул посадила, — сказал Романок, — я даже шлёпнулся!

Тайске надоело сидеть под столом. Она вылезла с другой стороны, возле дёда: здесь уж мать её ни за что не достанет!

Сначала Тайска сидела хмурая, но скоро всё забыла и опять повеселела. Когда налили чай, она придвинула Валентинке синюю мисочку и шепнула:

— Берй сахар!

Валентинка положила, как дома, две ложки. А Тайска уже снова сидела возле Романка, и снова оба давились от смеха.

Валентинка хлебнула чаю, сморщилась и поставила чашку обратно.

Тайска и Романок так и приснули.

— Что, обварилась? — спросил дед. — Ты не по-городскому пей, а по-нашему, по-деревенски, из блюдечка. Вот и не обваришься.

— Мамка, — крикнула Груша, — гляди-ка, да они ей вместо сахара соли дали!

Мать хотела схватить Тайску за косички, но та выскочила из-за стола и убежала в горницу.

Мать налила Валентинке свежего чаю:

— Пей, дочка!.. А ты, Тайска, запомни: уж доберусь я до тебя — не проси милости!

Новые знакомые

Груша ушла в школу. В сумку с книгами она засунула бутылку молока, кусок хлеба и сладкую пареную брюкву. До обеда далеко, проголодаешься.

Тайска позвала Валентинку в горницу и вытащила из-под кровати ящик. Там лежали её куклы, все растрёпанные, раздётые, с облупленными носами. Но у Валентинки, когда она увидела их, даже румянец проступил на щеках. Как давно уже не играла она в куклы! Тайска схватила одну куклу за ногу, показала:

— Это Вёрка!

Другую подняла за косу:

— Это Клášка!

Потом снова пошвыряла в ящик:

— Ну их! Пойду на улицу!

Тайска убежала гулять. Романок увязался за ней.

Мать села чинить бельё: завтра суббота, надо всей семье баню устраивать, надо чистые рубашки приготовить.

А Валентинка подсе́ла к ящику. И то́тчас куклы о́жили и заговори́ли с ней.

— Где вы бы́ли? — спроси́ла Валентинка. — Почему́ вы такие растрёпанн^{ые}? Почему́ вы го́лые?

— Это мы от войн^ы бежа́ли, — отве́чали куклы. — Мы всё бежа́ли, бежа́ли — по сне́гу, че́рез лес...

— Ну ла́дно, ла́дно! Не бу́дем про э́то говори́ть... Сейча́с на́до сшить вам пла́тья. Посиди́те немно́жко.

Валентинка подошла́ к ма́тери:

— Пожа́луйста...

И запну́лась. Валентинка не зна́ла, как назва́ть её. Тётя Да́ша? Но ведь э́та же́нщина её в до́чки взяла́! Зна́чит, ма́ма?..

А мать гляде́ла и ждала́, как де́вочка назовёт её.

— Пожа́луйста... да́йте мне иго́лку и но́жницы.

Мать усмехну́лась, подала́ ей иго́лку и но́жницы. Де́вочка поспе́шно отошла́.

Како́е краси́вое же́лтое пла́тье полу́чается для Ве́ры! Како́е наря́дное!

И вот в то вре́мя, когда́ Валентинка одева́ла в но́вое пла́тье куклу, на крыльце́ раздался то́пот, смех, го́вор, и в избу́ ввали́лась це́лая вата́га девчо́нок и ма́леньких ребя́тишек. Впередí была́ Та́йска.

— Что э́то? — удиви́лась мать. — Ника́к, всей дере́вней яви́лись?

— Яви́лись! — отве́тила Та́йска.

— Вот хорошо́-то! Не ви́дали тут вас с ва́шим озорствóм!

— Да мы, ма́мка, не бу́дем озоровáть. Вот то́лько девчо́нки Валентинку посмо́трят, и всё. Ведь хо́чется же им посмотре́ть!

И не успела́ мать отве́тить, как ора́ва уже́ хлы́нула в го́рницу. А чтоб не топта́ть по́лы, почти́ все сброси́ли у́ дверей ва́ленки и зашле́пали босы́ми пята́ками по бе́лым полови́цам.

Валентинка растеря́лась. Она́ смотре́ла то на одну́, то на

другую больш́ими, немно́жко испуганными глаза́ми. Чего́ они́ хотя́т? Что им на́до?

Снача́ла все молча́ли. Девчо́нки подта́лкивали друг дру́га, хихика́ли и с любопы́тством разгля́дывали Валенти́нку. Пе́рвой заговори́ла Тайска:

— Она́ городска́я! Всегда́ в го́роде жила́. Там дома́ зна́ешь каки́е? Избу́ на избу́ поста́вь, и то ма́ло!

Одна́ из девчо́нок, толстоно́гая Алёнка, подсе́ла к Валенти́нке:

— А у тебя́ ку́клы бы́ли?

— Бы́ли, — ти́хо отве́тила Валенти́нка. — У одной́ глаза́ закрыва́лись.

— А ещё́ чего́ было́?

— Посу́да.

— А мы посу́ду из гли́ны де́лаем, — вмеша́лась черногла́зая Ва́ря. — Все́: и ча́шки, и ча́йники...

— У! Ты погляди́ то́лько, кака́я у нас посу́да! — затара́торила Тайска. — То́лько у меня́ побила́сь вся, вся до кро́шечки! А вот у Ва́ри...

— А у меня́? А у меня́ плоха́я? — закрича́ла Алёнка. — У меня́ да́же с цвето́чками!

И де́вочки наперерыв́ на́чали рассказывать́ Валенти́нке, как ле́том они́ ходи́ли в овра́г за гли́ной (в э́том овра́ге да́же пеще́рки сде́лались!), как мочи́ли э́ту гли́ну, как мя́ли, как лепи́ли из неё́ ку́клам посу́ду, а пото́м суши́ли на со́лнце. И тарелоч́ки де́лали, и чугу́нки, и кринки́! А Сла́вка Ви́хрев да́же самова́р сде́лал. И пе́чку из гли́ны сде́лали, и да́же топи́ли её́ пра́мо по-настоя́щему, дрова́ми: и о́гонь горел́, и дым в трубу́ шёл!..

Но им бы́ не догада́ться э́то сде́лать, е́сли бы́ не Гру́ша. Гру́ша тогда́ в шко́лу пошла́, и там учи́тельница им показала́, как из гли́ны грибы́ лепи́ть. Гру́ша принесла́ гли́няный гри́б домо́й и показала́ Тайске. Вот Тайске в го́лову и пришло́:

«Если можно гриб слепить, то, может, и ещё что-нибудь можно?» А Груша говорит: «Больше ничего нельзя. Раз учительница показала гриб, значит, и можно только гриб». А вот они пошли в овраг да и начали всё лепить.

— А меня возьмёте посуду делать? — спросила Валентинка. — А я сумею?

— Сумеешь, — ответила Тайска. — Романок и то чего-то слепил: не то санки, не то гуса.

— И вообще танкетку! — сказал Романок. — Не разглядит ничего, а тоже!..

— А где этот овраг?

— А вот, за усадьбами. Только сейчас там сугробы!

— Весной пойдём, когда растает.

— А я знаю, где одна птичка живёт! — сказал Романок. — В малиннике. Как лето, так и опять там живёт. Гнёздышко и сейчас там висит...

— Птичка? — обрадовалась Валентинка. — И каждый год прилетает? В своё гнёздышко? Какая она — серенькая?

— Как золá. А грудка синенькая...

— Это варáкушка.

— А ты почём знаешь? — удивилась Тайска. — Видела разве?

— Живую не видела, — ответила Валентинка, — а в книге видела. Такая маленькая, серая, с голубой грудкой... Ты мне её покажешь, Романок?

— А в этой книге и другие птицы были? — спросила Вáря.

— Да. Там все птицы были, какие только есть на свете. Все нарисованы. Мама читала мне про них, а я глядела картинки. Там и колибри есть.

— Какие колибри?

— Такие. Маленькая птичка, с напёрсток. И вся будто драгоценными камнями усыпана, так и блестит!

— Такие не бывают, — сказала Алёнка.

— А вот и быва́ют! — крикнула Тайска. — Ма́ло ли какие быва́ют! И не такие ещё — с горо́шину быва́ют!.. Пра́вда, Валенти́нка?

— А где э́та кни́га? — спроси́ла Ва́ря. — Ты её не при-несла́ с собо́й?

— Нет.

— Эх, ты, завяза́ла бы в узелок и понесла́ бы!

— Я не зна́ла...

— Что не зна́ла?

— Я не зна́ла, что всё так бу́дет...

Тайска бы́стро огляну́лась на мать и прошепта́ла:

— А как всё бы́ло-то? Фаши́сты твои́х родны́х уби́ли, да?

— Да.

— И ма́мку твою́, да?

— Да.

Валенти́нка переста́ла улыба́ться. Она́ ти́хо и безуча́стно положи́ла в ящик ку́клу в жёлтом пла́тье...

Ей сразу́ вспомни́лся стра́шный день, послед́ний её день в го́роде... Го́род бомба́т. Их дом стои́т, оку́танный ды́мом и пы́лью. Вме́сто о́кон тёмные ды́ры. На ступе́ньки выбега́ет ма́ма с ма́леньким То́лей на рука́х. Валенти́нка ви́дит её, как живу́ю. Вот она́ — в си́нем пла́тье, с чёрной развева́ющейся прядко́й волос. Она́ испуганно кричи́т: «Ва́ля! Ва́лечка!..» И вдруг — уда́р. Бо́мба... Валенти́нка опомни́лась среди́ каки́х-то разби́тых брёвен — ви́дно, её отбро́сило волно́й — и отсю́да уви́дела чёрную яму, гру́ды обло́мков и кло́чья си́него пла́тья под ру́хнувшими кирпи́чами... Она́ цара́пала э́ти кирпи́чи, раски́дывала их, крича́ла, звала́ ма́му. Ма́ма не откли́кнулась. Чужие же́нщины отгаци́ли её от разва́лин и насильно увели́ куда́-то. И пото́м доро́га, дере́вни, снега́, лес... И всё вре́мя мороз...

— Вы чего́ там зати́хли? — беспоко́йно спроси́ла мать. — Что случи́лось?

Она вошла в горницу и сразу увидела помертвевшее лицо Валентинки.

— Об чём разговор был, ну? — обратилась она к девчонкам. — Вы что ей сказали?

— Мы ничего... — ответила Вarya. — Мы только про книжку...

— А про фашистов даже и не говорили, — добавил Романок. — Тайска только спросила: правда, что её мамку фашисты убили?

Мать рассердилась. Ух, как она рассердилась, даже покраснела вся! Она схватила Тайску за руку, нашлапала и выгнала из горницы.

— Бессовестная! — кричала она на Тайску. — Жалости у тебя нету! Сердца у тебя нету! Или у тебя вместо головы пустой котелок на плечах?!

Тайска ревели, а девчонки, видя такую грозу, бросились в кухню, поспешно надели свои валенки и одна за другой шмыгнули за дверь.

— Иди сюда, дочка, — ласково сказала мать Валентинке. — Иди посиди со мной, послушай, что я расскажу тебе.

Валентинка молча уселась на скамеечку возле её ног. Мать рассказывала какую-то сказку. Валентинка не слышала её. Мама стояла у неё в глазах, стояла такая, какой она видела её в последний момент, испуганная, с развевающейся прядкой. И Толя, обхвативший её шею обеими руками...

«Мама! Мамочка! Мамочка!» — повторяла про себя Валентинка, обращаясь не к этой, живой, а к той, умершей. И вдруг посреди весёлой сказки она уткнулась в серый фартук женщины и громко заплакала.

Мать не утешала Валентинку. Она только гладила её тёмные волосы:

— Поплачь, поплачь, дочка! Поплачешь — сердце отойдёт. Тайска, у которой давно высохли слёзы, с удивлением

смотрела на Валентинку. Что это? Тайска ревела — так ведь её нашлапали. А Валентинка чего ревет? Ведь ей же сказку рассказывали!

— Большая, а плачет, — сказал Романок. — Я, когда был большой, никогда не плакал!

— Дурачок! — прошептала мать и улыбнулась сквозь слёзы.

Мать устраивает необыкновенную баню

В субботу вечером, убравши скотину, мать сказала:

— На улице мороз, в баню далеко идти. Давайте-ка я вас по старинке в печке попарю!

И вытащила из печки огромный чугунок с горячей водой.

— Ребятишки, готовьтесь!

— Сейчас в печку полёзем! — закричала Тайска. — Париться!.. Валентинка, в печку полёзем!

Валентинка думала, что Тайска её вышучивает. Как это они вдруг полезут в печку?

Тем временем мать вытащила из печки все горшки и кринки, настелила всюду свежей соломы: и в самой печке, и на шестке, и на полу возле печки. Налила в таз горячей воды, сунула в него берёзовый веник и поставила в печку.

— Баня готова, — сказала она. — Кто первый?

— Я! — закричала Тайска, живо сбрасывая платье. — Я готова!

— Ну уж нет! — возразила Груша. — Ты успеешь. Тут и постарше тебя есть!

Но пока-то Груша говорила, пока-то развязывала поясок, Тайска уже залезла в печку. Мать прикрыла её заслонкой, а Тайска плескалась там и выкрикивала что-то от избытка веселья.

— Лезь и ты, — сказала мать Валентинке. — Печка широкая — поместитесь.

— Я измажусь вся! — прошептала Валентинка.

— А ты осторожней. Стенок не касайся.

Валентинка разделась, неловко ползла в печку и тут же задела плечом заустье, чёрное от сажи.

— Разукрасилась! — засмеялась мать. — Ну ничего, отмывайся хорошенько!

— Лезь, лезь скорее! — кричала Тайска из печки. — Иди, я тебя веничком попарю!

Валентинка боялась лезть в печку. Но когда влезла, ей вдруг эта баня очень понравилась. Блаженное тепло охватило её! Крепко пахло веником и свежей солóмой. Тайска окунула веник в мыльную воду и принялась легóнько хлестать её по спине. Сначала Тайска — её, потом она — Тайску. Потом терли друг друга мыльной мочалкой. И всё это было очень приятно.

В печке было темно, только щёлочка вокруг заслонки светила, как золотая дужка. Эта жаркая, пахучая тьма, эта шелковистая влажная солóма под боком, этот веник, одевающий тёплым дождём, — всё размаривало, разнеживало, отнимало охоту двíгаться. Даже Тайска угомони́лась и прилегла на солóму.

Валентинке вспомнилась сказка про Ивашечку. Вот он так же сидел в печке, прятался от бабы-яги. И представилось ей, будто она и есть Ивашечка. Она притаилась и слóшала, не летит ли на помелё баба-яга.

Но в печке долго не просидишь. Стало душно. Хотелось вы́сунуться, глотнуть све́жего вóздуху.

— Мне жарко... — прошептала Валентинка.

— Мне тоже... — сказала Тайска. И закричала: — Ма́мка, открывай!

— Ага, запарились! — сказала мать и открыла заслонку.

Тайска вы́катилась из печки, как колобок. А Валентинка опять зацепилась и посадила на плечо чёрную отметину. При-

шлось замывать. Мать посадила их в корыто, облила тёплой водой, дала холщовое полотенце:

— Вытирайтесь, одевайтесь — и марш на лежанку сохнуть!

Валентинке казалось, что никогда ещё чистое бельё не пахло так свежо, как пахла эта заплата рубашка, которую дали ей. Всё её тело как будто дышало. Влажные руки всё ещё пахли веником. Это был такой новый для Валентинки запах, такой крепкий и необычный!

За ужином дед спросил:

— Ну как нашей барышне баня показалась? Понравилась или нет?

— Понравилась, — тихо ответила Валентинка.

Но дед не поверил:

— Ну, где же там! В городе-то в банях и светло, и тепло, и шайки тебе, и души всякие, а тут — словно горшок с кашей в печку посадили.

«Ну и что ж, — хотелось ответить Валентинке. — Мне в печке мыться очень понравилось, даже лучше, чем в бане!»

Но она уткнулась носом в кружку с молоком и ничего не ответила.

Она боялась дёда.

У Романка появляется танковая бригада.

На белом столешнике расцветают алые цветы.

В этот день раньше всех проснулся Романок. Его разбудил приятный густой аромат, который носился по избе. Пахло чем-то сдобным... Возле печки на широкой лавке в два ряда лежали большие румяные лепёшки с картошкой и с творогом. Романок живо вскочил с постели:

— Мамка, какой нынче праздник? Опять Новый год, да?

— Ваша мамка нынче именинница, вот вам и праздник, —

отвѣтила мать. И, вздохну́в, доба́вила: — То́лько вот ны́нче отца́ нет с на́ми. И письма́ нет...

Бы́ло ра́ннее у́тро, по́тому все бы́ли до́ма: и дед ещё не ушё́л на рабо́ту, и Гру́ша ещё не ушла́ в шко́лу, и Та́йска ещё не убежа́ла к подро́жкам.

Дед мо́лча пону́рил го́лову. Давно́ нет письма́ с фро́нта. А на фро́нте всё вре́мя бо́й.

— А в про́шлом году́ оте́ц был, — сказа́ла Гру́ша. — Он мне всегда́ говори́л: «Учи́сь, учи́сь хороше́нко!» Он мне...

— Он — тебе́! — прервала́ Та́йска. — Как бу́дто он то́лько с тобо́й и разгова́ривал! И мне то́же говори́л: «Та́йска, не озору́й смотри́!..»

— А мне говори́л: «Расти́ скорей́!» — доба́вил Рома́нок.

Все на́чали вспоми́нать, как и что говори́л оте́ц. Вот бы он при́ехал! Ну хоть бы на побы́вочку заверну́л!.. А мать отверну́лась и укра́дкой смахну́ла слёзы.

То́лько Валенти́нка молча́ла. Она́ не ви́дела отца́ Шали́хиных, не зна́ла его́, и он её не знал.

— Ну ла́дно, хва́тит! — сказа́ла мать. — Бу́дет нам сча́стье, гляди́шь — и Ги́тлера разобью́т, и оте́ц наш верне́тся с фро́нта. А пока́ что лепёшки на столе́. Садите́сь за́втракать!

По́сле за́втрака мать позва́ли в колхо́зное храни́лище разбира́ть карто́шку. Она́ бы́стро собралась и ушла́.

— Когда́ на́ша ма́ма была́ имени́нница, ей всегда́ что́нибудь дари́ли, — сказа́ла Валенти́нка.

— Кто дари́л? — живо спроси́ла Та́йска.

— Все. И я то́же. Я оди́н раз её карти́нку нарисова́ла и подари́ла.

У Та́йски заблестели́ глаза́.

— Давайте́ и мы на́шей ма́мке что́-нибудь подари́м!

— А что, ну что ты подари́шь? — сказа́ла Гру́ша. — Ну что ты уме́ешь?

— А ты что?

Гру́ша задумалась. Чулки́ связать? Но ведь чулки́ сразу не свяжешь. Ещё когда́ начала́ чулок, а всё никак до пятки не доберётся. Вот какая́ эта́ ма́мка, не могла́ заранее́ сказать — Гру́ша поспешила́ бы!

— А я знаю́, что сде́лаю! — закричала́ Тайска. — Я сейча́с все до одной́ кринки́ вымою, все до одной́ кастрюли́ вычищу, и все ножи́, и все ви́лки!.. Чтóбы всё блестело́! Что, не сумею́? Да?

Тайска налила́ в лоханку́ горячей́ воды́, собрала́ всю невы́тую посу́ду и взяла́сь за де́ло. Грязные́ брызги́, зола́, сажа — так всё и разлетало́сь кругом от её мочалки́, так и гремели́ кринки́ в её руках, так и гудели́ кастрюли́...

— Вот так подаро́к! — сказа́ла Гру́ша. — Уж я е́сли придумаю́, так уж хоро́шее что́-нибудь!

— Романок, а ты что?

— А не видите — что?

Романок на широ́кой вы́беленной пе́чке рисо́вал углем та́нки. Впередí огро́мный с тяжёлыми́ гусеницами́, с большо́й пу́шкой — это́ «КВ» («Клим Вороши́лов»). А за ним — це́лая ста́я та́нков поменьше́, лёгких, подви́жных.

К сосе́дям верну́лся с фро́нта ране́ный сын. Он танки́ст, и Романок хоро́шо зна́ком с ним. Он рассказыва́л Романку́, как бо́ятся враги́ кре́пких и быстроходных сове́тских та́нков. Романок пото́му и нарисова́л их побольше́. Все та́нки шли от печу́рок к о́кнам и па́лили из пу́шек. Снаря́ды рва́лись кругом и да́же взлета́ли на дымохо́д, к са́мому потолку́.

Валенти́нка гляде́ла на Рома́нку, на Тайску́, на Гру́шу. Все о́ни что́-то пода́рят ма́тери. А ра́зве Валенти́нке не хо́чется подарить́ ей что́-нибудь?

«Она́ их ма́ма, а не моя́, — упря́мо подумало́сь ей, — пусть о́ни и да́рят...»

Но всё-таки́ ей о́чень хоте́лось подарить́ что́-нибудь ма́ме — те́те Да́ше. Пусть она́ не настоя́щая ма́ма, всё равно́!



— А ты возьми и тоже нарисуй что-нибудь, — сказала ей Тайска. — Вон там, под лавкой, стоит баночка с краской, дед кровать красил. И знаешь что? Возьми эту краску и нарисуй цветы вот тут на столешнике, вроде каймы. Я бы сама нарисовала, если бы умела.

— А разве хорошо будет? — спросила Валентинка.

— А почему же нехорошо? Цветы! Если бы я умела! Да ты не будешь, я знаю. Что она тебе — родная разве?

Валентинка на минутку задумалась. Можно ли рисовать цветы на скатерти? Её мама, наверно, сказала бы, что нельзя. Но там было нельзя, а здесь, может быть, можно? Ведь разрисовал же Романок печку!

Валентинка ползла под лавку и достала баночку с краской. Потом встала на колени возле стола и на нижнем углу белого столешника робкой рукой намалевала большой красный цветок.

— Ой, до чего красиво! — сказала Тайска. — Как живо! У нас такие в палисаднике растут... Рисуй ещё!

Второй цветок вышел лучше. Лепестки у него росли шире и смелее. Третий вышел немножко кривой, но это было почти

незамётно. Романок оставил свои танки и рвущиеся снаряды и круглыми синими глазами с удивлением смотрел, как на белом столешнике расцветают алые цветы.

— И-и!.. — вдруг раздалось испуганное восклицание. — Что наделали!

Груша вышла из горницы с книгой в руках и остановилась на пороге:

— Что наделали! Весь столешник испортили!.. Ну уж и попадёт вам теперь!

У Валентинки дрогнула кисть, и последний лепесток у последнего цветка загнулся, будто опалённый зноем.

Тайска, Романок и Валентинка глядели на Грушу, глядели друг на друга. Смутное сознание, что получилось как-то неладно, охватило их. А что же плохого, если на белом столешнике будут алые цветы? Но вот Груша говорит: «Попадёт!»

А Груша вздернула пухлую верхнюю губу и сказала:

— Только, чур, меня не припугивать. Сами заварили кашу — сами и расхлёбывайте.

— А я и не заваривал, — сказал Романок, — я только глядел.

— А что же, я заваривала, да? — закричала Тайска. — Я мою посуду и мою! И никаких цветов я на столешнике не делаю!

— Городская, а баловная! — строго сказала Груша. — Ишь что сбаловала!

И ушла в горницу.

У Валентинки сразу пропала вся радость. Она вытасила из своей жёлтой сумочки носовой платок и попробовала потихоньку стереть краску. Но краска была масляная, она не стиралась. Сердце Валентинки сжалось от страха и горя. Что она наделала! Зачем она послушалась Тайску? Что теперь скажет мать, что она скажет матери?

Валентинка спрятала баночку с краской и села в уголок. Скрип снега за окном, стук во дворе, чей-нибудь громкий голос на улице — всё заставляло её вздрагивать: мать идёт!

И потом — дед. Что скажет дед, когда это увидит?

«Может, у вас в городе можно портить скатерти, ну, а уж у нас этого нельзя! Таких баловных нам здесь не надо!» — вот что он скажет, наверно.

Может быть, полчаса прошло, может быть, час. Послышались шаги на крыльце, скрипнула дверь в сенях, и в избу вошла мать. Необычная тишина показалась ей странной. Она внимательно поглядела кругом.

— Это что такое?! — сердито закричала она, увидев разрисованную печку. — Это что за озорство такое?!

Взглянув на Тайску, она всплеснула руками:

— Ах ты чучело-чумичело! Ну погляди, на кого же ты похожа? Вся в саже! А руки, а платье!

Увидев алые цветы на белом столешнике, мать даже покраснела от гнева:

— Батюшки мои! Да что же это, в самом деле? Ну просто из избы выйти нельзя! Кто это намалевал, а? Кто?

Все трое смущенно поглядывали друг на друга. Только одна Груша спокойно и весело стояла у дверей горницы:

— Что, натворили подарочков?

Мать выдернула из веника прут:

— А ну-ка, Тайска, иди сюда, я тебя берёзовой кашей уощу! Я тебя научу, как цветы малевать на столешниках!

— Это не я! — крикнула Тайска.

— Это я намалевала... — тихо сказала Валентинка.

— Ты? — удивилась мать. — Ты? А кто тебя научил? Валентинка взглянула на Тайску, встретила её испуганные глаза и опустила ресницы:

— Никто не научал. Я сама хотела...

Мать, ещё рассерженная, стояла, похлопывая хворостин-

кой по скамейке. У неё не поднимáлась рука отстегать Валентинку. Ну как её трóнуть, когда она́ и так вся дрожит? А с друго́й стороны́, тем ребятам обидно: ведь Тайску-то она́ за то же самое отстегала бы.

— Это я хотела тебе подарок... — сказала Валентинка. — Мы все хотели тебе подарки подарить!

— Подарки? Какие подарки?

— Ну... Вот Романок для тебя танки нарисовал. А Тайска всю посуду вымыла. А я... я думала, с цветами красивее. Это мы такие подарки придумали: ведь ты же именинница сегодня!

У матери разошлись сведённые брови. Ей даже стало стыдно, что она́ так расходилась, не узнав, в чём дело. И она́ была́ рада, что не нужно никого́ ругать и наказывать. Она́ села на лавку, отбросила хворостину и засмеялась. В это время вошёл дед.

— Отец, ты взгляни-ка! — со смехом сказала она́ деду. — Ты взгляни, пожалуйста, каких подарков они мне надарили: и танков целую бригаду, и чистых кринок, и алых цветов... Ой, батюшки! Ну что за ребята у меня́ — одна́ радость!

А потом пригляделась к столешнику и добавила:

— А знаете, ребятки, с этими цветами и вправду красивее!

Снова мир и веселье поселились в избе. Одна́ Груша была́ не в духе. Она́ так и не успела придумать подарка для матери.

Гости пьют чай с лепёшками и осуждают мать

В сумерки, после того как убрали скотину, к матери пришли гости.

Стол был накрыт, кипел самовар, и лепёшки красовались в широком блюде.

Первой ввалилась в избу́ толстая тётка Ма́рья в широком сбóрчатом полушубке.

Она́, по старинному обы́чаю, отв́сила поклóны — снач́ала д́еду, зат́ем ма́тери. Потóм сняла́ полуш́убок, но оста́вила на плеча́х большо́й пёстры́й платóк. И Валенти́нке ср́азу воспóмнилась ва́тная грéлка — ба́ба, кото́рую ма́ма саж́ала на горячий ча́йник.

Тётка Ма́рья посмотре́ла на ребят и зы́чно спроси́ла:

— Жи́вы, пострéлы?

— Жи́вы! — кри́кнула Та́йска.

— А но́венькая-то у вас где? Приёмыш-то?

Романо́к ткнул Валенти́нку па́льцем:

— Вот она́!

Валенти́нка покрасне́ла и опусти́ла глаза́.

— Да-а... — неодобрительно протяну́ла тётка Ма́рья. — Ничего́ бы девчо́нка, да уж бо́льно тоща́. Ишь но́жки-то ка́кие то́ненькие!.. Ну куда́ же в дере́вню такую́? Ни на воз по́дать, ни с во́за принять́...

— Вот и я та́к-то говорю́, — отозва́лся дед. — В дере́вне жить — на земл́е рабóтать. А зéмлю, бра́тцы, любите́ надо. Ну, а где ж ей — городска́я!

В изб́у вошла́ ещё одна́ гóстя, ба́бка Усти́нья, высóкая стару́ха, сухоща́вая, подо́бранная. Она́ поклони́лась хозя́евам и, поджа́в то́нкие гýбы, уста́вилась на Валенти́нку:

— Эту девчо́нку-то взяли́?

— Эту, — отвéтила мать.

— М-м... Ну и что ж вы с ней дéлать б́удете?

— А что дéлать? Пусть растёт!

— Растёт-то растёт, да что из неё вы́растет! Ни отца́ её ты не зна́ешь, ни ма́тери. А что они́ за лю́ди бы́ли? Мо́жет, хоро́шие, а мо́жет, и не óчень...

Валенти́нка взгляну́ла на ба́бку Усти́нью и сно́ва опусти́ла ресни́цы.

— Во как зы́рнула, ви́дели?! — óхнула ба́бка Усти́нья. — Так и съéла глази́щами-то!

— Садитесь чай пить, — сказа́ла мать, — ми́лости прошу́.

Только уселись за стол — загремела в сенях дверь, и явилась новая гостья тётка Васи́лиса, по прозванию Грачи́ха. Так прозвали её за большо́й нос. Она́ то́же сразу ста́ла разглядывать Валенти́нку:

— Ай-яй! Сразу́ видно, что не на́шенская: ишь како́е лицо́-то бе́лое! Приживётся ли она́ у нас в дере́вне?

Валенти́нка ушла́ в те́мную го́рницу и уселась в уголо́к. Уж о́чень неприятно, когда́ тебя́ разглядывают, бу́дто како́ю-нибудь вещь!

А ба́бы за столо́м погово́рили о войне́; о том, что на́ши, слы́шно, го́нят фаши́стов; о том, что за́втра всем колхо́зом вози́ть дрова́ на ста́нцию; о холста́х, кото́рые хорошо́ сейча́с белить: со́лнышко начина́ет пригрева́ть и снег стал е́дкий, все пятна́ отъедает... А пото́м снова́ загово́рили про Валенти́нку.

— И куда́ ты, Да́рья, набира́ешь себе́ ребят? — начала́ тётка Ма́рья. — Вре́мя трудо́ное, семья́ у тебя́ большо́я, мужи́к твой на войне́ — ли́бо вернётся, ли́бо нет... И не рабо́тница она́: уж тако́я-то хли́пкая! Да с ней в по́ле-то наго́ришься!

— Нет, нет, не бу́дет добра́, — подхвати́ла ба́бка Усти́нья. — Не бу́дет она́ тебя́, Да́рья, ни люби́ть, ни почи́тать. Как есть ты ей чужа́я, так чужа́я и оста́нешься. Да она́ и по ма́сти-то к твоёй семье́ не подходит: вы все бело́ые, а она́, вишь, те́мная!

— Э, ба́бы, по́лно-ка вам! — возрази́ла Грачи́ха. — Мо́жно ведь и по-друго́му рассуди́ть. Ну, а куда́, ска́жем, вот таким сироти́нкам дева́ться? Ведь сейча́с война́. Ма́ло ли их, го-ремы́к, оста́нется? Что же тепе́рь де́лать! Уж ка́к-нибудь...

Валенти́нка ждала́, что ска́жет мать. Неужели́ она́ то́же согласи́тся с те́ми двумя́? Что же тогда́ де́лать Валенти́нке? Как жить в э́том до́ме, где её никто́ не бу́дет люби́ть?

Мать вы́слушала свои́х госте́й, огляну́лась, нет ли тут Валенти́нки, и сказа́ла в разду́мье:

— Что семья у меня большая — это меня не печáлит: хлеба на всех хвáтит. Что работница из неё хорошая не выйдет — ну что же дéлать! Как смóжет, так и сработает. И это меня не забóтит. Но вот что меня забóтит, бáбы, что печáлит, так это одно́: не идёт в родню́, не лáстится. Не зовет меня ма́терью, никак не зовет. Не хóчет! Или уж и впра́вду как была́ чужо́й, так чужо́й и оста́нется?

Валентинка вздохнула. Она глядела из своего угла на мать, которая сидела задумчиво в кухне за столом, подпершись рукой.

— Мама... мама... — неслышно прошептала Валентинка.

Ей хотелось соединить это слово и эту женщину. Но ничего не получалось. Женщина оставалась тётей Дáшей. И с этим Валентинке ничего нельзя было поделаться.

В тот же вечер, проводив гостей, мать достала чернила и перо, попросила у Груши бумаги и села писать письмо. Она писала письмо на фронт своему́ мужу о том, что с делами в колхозе понемногу справляются, что в доме всё благополучно и что ребятки здоровы и ждут отца́.

«...А ещё вот что,— писала она,— нужен мне твой совет. Я взяла в дом девочку Валентинку — круглую сироту́. Думаю, что я это хорошо сделала. Но вот некоторые люди говорят, что напрáсно, и ругают меня за это. Что ты скажешь? Как присоветуешь? А может, люди правду говорят, что чужое не приживáется?..»

Девочки остаются в доме одни и ведут хозяйство

Мать ещё затемно уехала с дровами на станцию.

Когда забрэзжило в окнах, дед разбудил Грушу:

— Молодая хозяйка, вставай! Пора пéчку топить. В школу не пойдёшь сегодня — дома некому.

Гру́ша не могла́ откры́ть глаза́, не могла́ го́лову подня́ть с поду́шки. Но дед не отставáл:

— Встава́й! Телёнок по́йла про́сит. Ку́ры у крыльца́ собрались, ко́рму ждут. Встава́й и подро́чных буди́. А мне не́когда с ва́ми до́лго разгова́ривать — меня́ в амба́ре ждут!

Дед ушёл. Гру́ша вста́ла и тут же разбудила́ Тайску и Валенти́нку:

— Иди́те помога́ть. Одно́й, что ли, мне все дела́ де́лать?

— Мои́ дела́, чур, на у́лице, — сказа́ла Тайска, — а в избе́ ва́ши!

Тайска живо одéлась. И пока́ полусо́нная Гру́ша укладывала́ дрова́ в пе́чке, Тайска сбéгала на задво́рки, принесла́ оха́пку морозного хво́роста, схвати́ла ведро́ и пошла́ за водо́й.

Гру́ша затопи́ла печь. Жа́рко запы́лиха́ли то́нкие, хрупкие прутья́. Но хво́рост прогорéл, а дрова́ задыми́лись и погасли. Гру́ша началá раздува́ть. Дым ударя́л ей в глаза́. Гру́ша сердилась и чуть не пла́кала с доса́ды.

— А ты что стои́шь и то́лько смóтришь? — закрича́ла она́ на Валенти́нку. — Ду́маешь, тебе́ де́ла нет? Ступа́й, ещё хво́росту принеси́!

Валенти́нка накинóла плато́к, вы́шла на у́лицу и остано́вилась. Как хорошо́! Рóзовые облака́ в свéтло-голубо́м небе́, рóзовые дымки́ над бéлыми кры́шами, о́стрые огоньки́ на сугро́бах. И морозец — лёгкий, скрипучий. А в во́здухе ужé что́то неуловимое, напомина́ющее о весне́...

Валенти́нка прошла́ на задво́рки и вы́тащи́ла из-под снéга оха́пку хво́роста. Гру́ша встрéтила её на поро́ге и нетерпеливо́ вы́хвати́ла хво́рост из её рук:

— За смéртью тебя́ посыла́ть! Тут пе́чка совсе́м погасла, а она́ идёт не идёт! Пра́вду тётка Ма́рья сказа́ла: ни с во́зу, ни на воз!

Валенти́нка мо́лча исподло́бья гляде́ла на свéтло-ру́сый Гру́шин затылок, на её го́лые ло́кти с я́мочками. Никогда́ ещё

не ви́дела она́ тако́го неприятного заты́лка и таких неуклю́жих рук. А го́лос како́й ре́зкий!

«Была́ бы те́тя Да́ша до́ма, так ты на меня́ так не крича́ла бы, — ду́мала она́, — побоя́лась бы ма́тери. А вот без неё...»

И вдруг пусто́й, неу́ютной и печа́льной показáлась ей изба́. Сло́вно со́лнце ушло́ за ту́чу, сло́вно погáс огонёк, кото́рый озаря́л её.

«Хоть бы скорей в́ечер! Хоть бы скорей она́ при́ехала!»

Но день ещё то́лько начина́лся, открывáя це́лый ряд не-ожиданных неприятностей.

— Лезь в по́дпол за карто́шкой! — приказáла Гру́ша. — Вот бадёйка, набери́ полную!

— Как — в по́дпол? — спроси́ла Валенти́нка. — В како́й по́дпол?

— Ну вот ещё! «В како́й по́дпол!»! Уж по́дпола не зна́ет!

Гру́ша подняла́ двéрцу по́дпола. Валенти́нка загляну́ла — там бы́ло темно́. Ну как э́то она́ туда́ полéзет? А вдруг там... ма́ло ли кто сиди́т! И како́я же там карто́шка?

— Ну что же ты?! — закрича́ла Гру́ша. — Ведь так и печа́ка прогори́т, пока́ ты соберёшься!

— Я не полéзу, — прошепта́ла Валенти́нка. — Я бою́сь, там кры́сы...

— Какие кры́сы?! Прóсто ты не́женка, да́же за карто́шкой сла́зить не мо́жешь! Пра́вду ба́бка Усти́нья говори́т — с тобо́й нагори́шься!

— Там темно́ же!

— Зажги́ ла́мпу.

Валенти́нка зажгла́ ма́ленькую си́нюю ла́мпу, взяла́ бадёйку и полéзла в по́дпол. Свет ла́мпы озари́л земляны́е стéны, ка́дки, покрýтые дере́вянными кру́жками, кринки, я́йца, уло́женные в я́щик и пересы́панные золо́й. Спра́ва громозди́лся во́рох карто́шки, кру́глой и кру́пной, как на подбо́р. За ни́зенькой перегоро́дкой лежа́л ворошо́к помéньше, но там карто́шка

была мелкая. Рядом красовалась жёлтая брюква. Из кучи песка торчали хвостики моркови... Оказалось, что в подполе совсем не страшно. Наоборот, интересно даже!

— Скоро ты? — крикнула сверху Груша.

— Сейчас! Только вот какой набрать — крупной или мелкой?

— Ну конечно, крупной! Мелкая на семена отобрана. Неужели не знаешь?

— Не знаю.

— Ну и чудная же ты! Все знают, а она не знает.

Валентинка еле подняла ведро с картошкой, еле вытащила его навёрх по лестенке, со ступеньки на ступеньку. На верхней Груша подхватила ведро:

— Ну вылезай скорей! Я телёнку пошло приготовлю, а ты начисть картошки для супа и вымой... И где это Тайска запропастилась? Надо кур кормить, а её нет и нет! И печка нынче что-то не топится. Горе с вами!

Проснулся Романок. Он свесил с печки вихрастую голову:

— Завтрак сварился?

В это время у Груши свернулся чугунок с ухвата, и вода зашипела на горячих кирпичях.

— Вот ещё, проснулся! — закричала Груша. — Чуть глаза откроет, так уже есть просит!

Наконец пришла Тайска, розовая, весёлая. В синих глазах её ещё дрожал смех.

— Ты что же, за водой-то в Парфёнки бегала? — напустилась на неё Груша.

— Да, ты знаешь, сколько на колодце народу!

— Нисколько там народу! Просто в снежки с ребятами играла, вот и всё! Смотри, в ведре даже лёд намёрз!

А потом повернулась к Валентинке:

— Ну? Готова картошка?.. Это ещё только три картошины очистила?.. Тайска, бери ножик, помоги этой неумехе!

Но Тайска да́же не подошла́ к Валенти́нке.

— Я сказа́ла: мой дела́ на у́лице, а ва́ши — в избе́. Я лу́чше пойду́ кур корми́ть.

И сно́ва скры́лась, хлопнув две́рю.

У Валенти́нки ресни́цы набу́хли слеза́ми. Она́ спешила́, что́бы угоди́ть Гру́ше, но и но́жик её пло́хо слу́шался, и карто́шка из рук выве́ртывалась.

«И когда́ же это́ она́ прие́дет наконец? — ду́мала Валенти́нка. — Ну хоть бы поскорей, хоть бы поскорей!»

И прислу́шивалась, не скрипят ли са́ни у воро́т, не слы́шится ли знако́мый, тако́й напе́вный и ла́сковый го́лос...

Но вот карто́шка начи́щена. Гру́ша запра́вила суп и поста́вила в пе́чку. А пото́м налила́ по́йла в широ́кую бадьёу и сказа́ла:

— Вот, наро́ду в избе́ мно́го, а телёнка напои́ть не́кому!

— Дава́й я напою́, — робко предложи́ла Валенти́нка.

— Ступа́й, е́сли суме́ешь.

Валенти́нка не уме́ла пои́ть телёнка и не зна́ла, где он. Но она́ взяла́ бадёйку и тихо́нько пошла́ из избе́.

Гру́ша догада́лась:

— Романок, проводи́ на́шу ба́рышню. А то она́ какую́-то коли́бру зна́ет, а вот где телёнок стои́т — не найдёт.

— У нас теля́т не́ было, — сказа́ла Валенти́нка.

— Эх, вы! — пренебрежи́тельно протяну́ла Гру́ша. — Да́же телёнка не мо́гли завести́! Наверно́, лени́вые бы́ли!

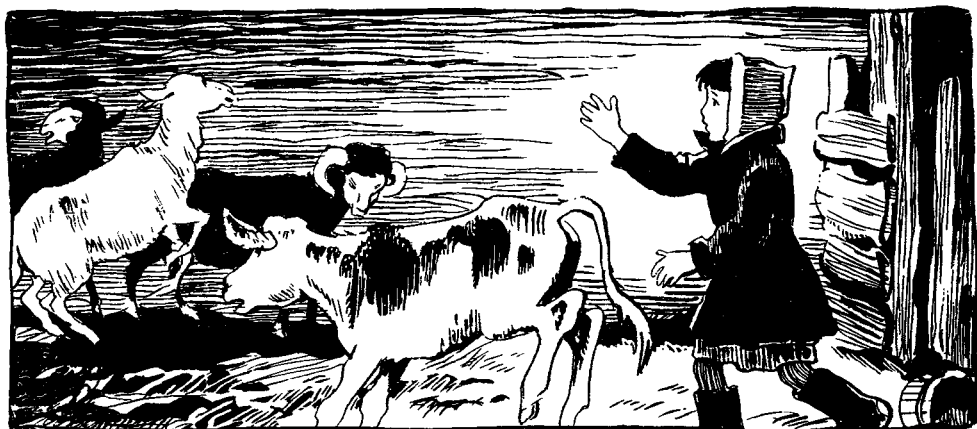
У Валенти́нки засверка́ли глаза́.

— Во́все не лени́вые! Мой па́па до фро́нта це́лые дни на заво́де пропада́л. Он инже́нер был. И ма́ма служи́ла то́же!..

— Ну-ну́, заговори́ла! — прервала́ Гру́ша. — Пока́ говори́шь, по́йло осты́нет... Ой, ка́жется, де́душка за́втракать и́дёт, а у меня́ ещё не гото́во! Из-за вас всё!

Валенти́нка с Романко́м вы́шли во двор.

— Он у нас в овча́рнике, — сказа́л Романок, — вот дверь.



Его Огонёк зовут, потому что он рыжий!.. Иди! Только смотри овёц не выпусти.

Когда Валентинка вошла в овчарник, овцы шаркнулись от неё в дальний угол. Они испугались Валентинки, а Валентинка испугалась их и остановилась у порога.

За высокой перегородкой стоял светло-жёлтый бычок. Он нетерпеливо совал мордой в щели перегородки и коротко мукал, вернее — макал:

«Мма! Мма!..»

Валентинка подошла к нему, и сердце у неё растаяло.

— У, какой хорошенький! У, какой миленький! И ножки белые, как в чулочках. А мордочка! А глазки чёрные, как черносливы!..

Валентинка открыла дверцу. Но не успела она войти за перегородку, как бычок отпихнул её, выскочил оттуда, бросился к бадёйке и тут же опрокинул её. Тёплое пошло зажурчало сквозь подстилку. Валентинка в ужасе подхватила бадью, но там было пусто. Бычок сердито стучал в дно бадьи, облизывал крошки жмыха со стенок. Но пошла не было, и он принялся орать во весь голос.

— Протівный! — чуть не плача, крикнула Валентінка. — И пролил всё, и сам выскочил! Иди обратно, иди!..

Но бычок и не соби́рался лезть обратно. Он принялся играть и бегать по тесному овчарнику. Овцы бросались от него, чуть не на стены прыгали. А ему́ это, как видно, очень нравилось: он фыркал, «макал» и подпрыгивал на всех своих четырёх белых ногах.

Валентінка вышла из овчарника, захлопнула дверь, села на приступку и расплакалась.

— Уйду́ отсюда! — повторяла она́. — Всё равно́ уйду́! Мне всё равно́... Пусть в лесу́ замёрзну!..

Наплакавшись, Валентінка вошла́ в избу́ и молча поставила пустую бадёйку. На столе́ уже дымилась горячая картошка. Груша заметала́ шесток.

— Напойла? — спросила она́.

— Нет... — ответила Валентінка.

— Как — нет? А по́йло где?

— Он пролил...

— Ой! Ну ничего́-то она́ не умеет! Ничего́-то она́ не может! Вот уж ба́рыню привелі́ к нам! Пра́вда тётка Ма́рья говори́ла...

— За́чем сказа́ла-то? — шепнула Валентінке Тайска. — Она́ бы и не узна́ла ничего́!

— А бычок-то как же! Голо́дный бу́дет це́лый день, да?

— Ну и что ж, авось не околел бы!

— У таких хозяек, как ты, пожа́луй, и околел бы! — вдруг сказа́л дед. Он стоя́л за двёрью в горнице, вытира́л полотёнцем ру́ки и слы́шал их разгово́р. — Скоти́ну люби́ть на́до, жалеть. Вот ви́дишь, городская́, а и то жалее́т. А тебе́: «Ну и что ж...» Сде́лай, Аграфена́, по́йло да снеси́ сама́.

Груша поворачи́ала, но по́йло отнесла́. Всё обошло́сь.

Одна́ко Валентінку томи́ло что́-то. Вот сейча́с Груша о́пять даст ей како́е-нибудь му́дрёное де́ло. А Тайска, вме́сто того́

чтоб помочь, засмеётся и убежит на улицу, и Романок за ней. А дед хмурый, неприветливый, к нему не подойдешь... Ну до чего же далеко до вечера! А вдруг она и вечером не придет?

После завтрака начали убирать избу. Валентинке досталось местى пол. Ну, это она сумела, она и дома не раз подметала комнату. Она вымела и горницу и кухню и смела сор с крыльца.

Утро было ясное, а день наступил сырой, серый, ветреный. С крыши срывалась капель. Среди голых веток щебетали воробьи. Какой холодный, хмурый день! Как холодно и грустно Валентинке! Надо, чтобы кто-нибудь её любил, обязательно надо, чтобы кто-нибудь любил её, был бы с ней ласков, чтобы кто-нибудь спросил её, не хочет ли она погулять или покушать, чтобы кто-нибудь сказал ей: «Не стой без пальто на ветру, простудишься!» Когда человека никто не любит, разве может человек жить на свете?..

Где солнце на небе? Высоко ли оно ещё или спустилось к вершинам леса? Ничего не видно за тучами.

Валентинка продрогла и вошла в избу.

В избе было подозрительно тихо. Груша, Тайска и Романок сидели вокруг стола, уткнувшись лбами, и что-то рассматривали. Но едва Валентинка переступила порог, они испуганно оглянулись на неё. Тайска схватила что-то со стола и сунула руку под фартук. Все трое глядели на Валентинку не то смущённо, не то насмешливо и молчали. Валентинка увидела, что из-под Тайскиного фартука выглядывает жёлтый ремешок.

— Мою сумочку взяли! — крикнула она. — Отдайте!

— О, раскричалась! — со смехом ответила Тайска. — А вот не отдам!

— Отдайте!

— Отдай! — пренебрежительно сказала Груша. — Подумаешь, добро! Мы думали, там что хорошее, а там картинки какие-то.

— Há! — сказа́ла Та́йска.

Валенти́нка протяну́ла ру́ку, но Та́йска отде́рнула су́мочку. И Рома́нок и Та́йска рассмея́лись.

— Ну догони́! Догони́, тогда́ отдам! — И Та́йска убежа́ла в ку́хню.

Валенти́нка не ста́ла догоня́ть. Она́ подошла́ к углово́му око́шку и уста́вилась гла́зами в та́лый узо́р на стекле́.

Тогда́ Та́йска подошла́ и мо́лча су́нула ей су́мочку. Валенти́нка взяла́ её, но от окна́ не отошла́. Как они́ сме́ли взять её су́мочку? Ра́зве она́ когда́-нибудь полёзла бы в шко́льную Гру́шину су́мку? Ра́зве ста́ла бы рассма́тривать, что там есть?

Како́й се́рый, хму́рый день смóтрит в окно́!

Но что э́то там? Ка́жется, са́ни заскрипе́ли по сне́гу. Так и есть! Кто́-то подье́зжает к до́му.

— Вро́де как ма́мка прие́хала, — сказа́ла Гру́ша.

Валенти́нка броси́лась на у́лицу, да́же платка́ не накинóула.

— Так и есть! — кри́кнула она́. — Так и есть — прие́хала!

Она́ подбежа́ла к Да́рье и мо́лча обхвати́ла её сыро́й армя́к.

— Ты что э́то разде́тая на хо́лод вы́летела? — закрича́ла Да́рья. — Иди́ до́мой живо́!

Но пусть кричи́т — Валенти́нка ничу́ть её не бо́ится. Она́ ви́дит, как ла́сково све́тятся ей навстрéчу си́ние глаза́, как улыба́ется покрасне́вшее от ве́тра ми́лое лицо́. Ко́нчено! Се́годня́ уже́ никто́ бо́льше не посме́ет оби́деть Валенти́нку!

На окне зацветает весна.

Дед оказывается не страшным и не сердитым

Ста́ло тепле́е пригрева́ть со́лнце. Берёзы стоя́ли мо́крые от ста́явшего сне́га, и с то́нких ве́ток па́дали на зéмлю сверка́ющие ка́пельки. В дере́вне вдруг появи́лись грачи́. Они́ крича́ли среди́ го́лых верши́н, ры́лись на потемне́вших доро́гах.

— Снег рúшится, — сказа́л дед. — Тепе́рь фронтовика́м в земля́нках, пожа́луй, хúдо бу́дет, сыро. — И вздохну́л: — Эх, Гитлер прокля́тый! Весь свет заста́вил му́читься.

«Снег рúшится! — подúмала Валенти́нка. — Как э́то — рúшится?»

Ей то́тчас предста́вился о́гро́мный овра́г, куда́ с шу́мом обру́шивались го́ры сне́га... Но где э́тот овра́г? Спроси́ть бы... То́лько у де́да ра́зве спрoсишь!

Валенти́нка ча́сто выходила́ на крыльцо́, стоя́ла, смотре́ла, слу́шала... Смотре́ла, как иду́т облака́ по не́бу, как раскáчивает ве́тер дли́нные коси́цы берёз, как ска́чут воробьи́, подби́раясь к ку́риному ко́рму. Слу́шала шум ве́тра в дере́вьях, смúтное пéние чиже́й, доно́сившееся из сосе́дней ро́щицы. Во́здух был по́лон каки́х-то но́вых, необъясни́мых за́пахов, кото́рые волнова́ли Валенти́нку, мани́ли, зва́ли куда́-то...

Иногда́ Тайска тащи́ла её гуля́ть:

— Пойде́м к девчо́нкам! Пойде́м на́ гору!

Валенти́нка не шла: боя́лась мальчи́шек — они́ отколoтят. Девочек боя́лась то́же — они́ бу́дут смея́ться над её ка́пором, над её корoтким пла́тьем. И ча́сто издали, не отходя́ от избы́, смотре́ла, как веселя́тся ребя́тишки на горе́ и́ли лу́пят снеж-ка́ми друг дру́га.

В со́лнечное у́тро дед принёс из кладово́й семенá пшени́цы, овса́ и горо́ха и посе́ял в тарел́ках. Ему́ на́до бы́ло узна́ть, хоро́шие ли э́то семенá, годя́тся ли они́ для се́ва. Дед был кладо́вщик, и э́то была́ его́ пе́рвая забо́та — вы́дать для се́ва хоро́шие семенá.

Ка́ждый день Валенти́нка разгля́дывала тарел́ки — не показáлся ли гдe-нибу́дь ростóчек. Гру́ша ча́сто замечáла, как Валенти́нка сиди́т над э́тими тарел́ками и смóтрит на мо́крую зeмлю.

«И чего́ смóтрит? — удивля́лась Гру́ша. — И чего́ ей интере́сно? Чудна́я!»

Однажды к тарелкам с лукавым видом подошла Тайска.

— Что-то не всходят и не всходят! — сказала она. — Может, и не взойдут?.. — И, понизив голос, предложила: — Знаешь, Валентинка, ты посмотри. Разрой и посмотри, есть на них налёвыши или нет. Если есть — значит, взойдут.

Валентинке и самой очень хотелось вырыть хоть бы одно зёрнышко. Но что-то слишком весело смеются у Тайски глаза и что-то Романок насторожился, так и вытаращился: разроет или не разроет Валентинка землю?

И вдруг Романок не выдержал.

— Не разрывай! — сказал он. — Дедушка вот до чего рассердится!

— Сунулся! — крикнула Тайска. — Ну чего ты сунулся? На тебя, что ли, он рассердится? На тебя, да?

Тайска показала Романку язык и ушла.

— Я в ту весну разрыл, а он меня прямо за волосы, — продолжал Романок. — Ведь он их считает!

Валентинка испуганно смотрела на Романка. Ух, что было бы, если б она так вот деду напортила!

С этого дня она даже и близко не подходила к тарелкам. И когда становилось очень скучно, усаживалась в уголке за комодом, вынимала из своей жёлтой сумочки связку картинок и расставляла их рядышком возле стены. Эти картинки она собирала давно: вырезала из старых журналов, выменивала у подруг на лоскутки и на игрушки, спрашивала у мамы, если та получала красивую открытку.

Мать с беспокойством посматривала на Валентинку, когда та, усевшись перед своими картинками, смотрела на них и что-то бормотала потихоньку. С кем она разговаривает? Кого она видит? А Валентинка придумывала: вот на круглом листке водяной лилии сидит крохотная девочка — Дюймовочка. Но это не Дюймовочка, это сама Валентинка сидит на листке и разговаривает с рыбками...

Или — вот избушка. Валентинка подходит к дверям. Кто живёт в этой избушке? Она открывает низенькую дверь, входит... а там прекрасная фея сидит и прядёт золотую пряжу. Фея встаёт Валентинке навстречу: «Здравствуй, девочка! А я давным-давно тебя поджидāju!»

Но игра эта тотчас кончалась, как только кто-нибудь из ребят приходил домой. Тогда она молча убирала свои картинки.

Как-то перед вечером Валентинка не вытерпела и подошла к тарелкам.

— Ой, взошло! — воскликнула она. — Взошло! Листики!.. Романок, смотри!

Романок сунулся к тарелкам:

— И правда!

Но Валентинке показалось, что Романок мало удивился и мало обрадовался. Где Тайска? Её нет. Одна Груша сидит в горнице.

— Груша, поди-ка сюда, погляди!

Но Груша вязала чулок и как раз в это время считала петли. Она сердито отмахнулась:

— Подумаешь, есть там чего глядеть! Какая диковинка!

Валентинка удивлялась: ну как это никто не радуется? Надо деду сказать, ведь он же сеял это!

И, забыв свою всегдашнюю боязнь, она побежала к деду. Дед на дворе прорубал канавку, чтобы весенняя вода не разлилась по двору.

— Дедушка, пойдём! Ты погляди, что у тебя в тарелках — и листики и травка!

Дед приподнял свои косматые брови, посмотрел на неё, и Валентинка в первый раз увидела его глаза. Они были светлые, голубые и весёлые. И совсем не сердитым оказался дед, и совсем не страшным.

— А ты-то чего рада? — спросил он.

— А я не знаю, — ответила Валентинка. — Так просто, интересно очень.

Дед отставил в сторону лом:

— Ну что ж, пойдём посмотрим.

Дед сосчитал всходы. Горох был хорош — все горошинки вылупились. Овес тоже всходил дружно. А пшеница вышла редкая: не годятся семена, надо добывать свежих.

А Валентинке словно подарок подарили. И дед стал не страшный. И на окнах зеленело с каждым днём всё гуще, всё ярче. До чего радостно, когда на улице ещё снег, а на окне уже так солнечно и так зелено! Словно кусочек весны зацвел здесь!

Прибыль в доме. В избе появляются новые жильцы

Мать сегодня то и дело заглядывает в овчарник. Всё ходит, смотрит чего-то. И даже поздно вечером, когда уже все легли спать, Валентинка услышала, как она зажгла лампочку и, накинув шубейку, опять пошла в овчарник. Но на этот раз она вернулась очень быстро и сразу стала будить деда:

— Отец, отец, встань, помоги!

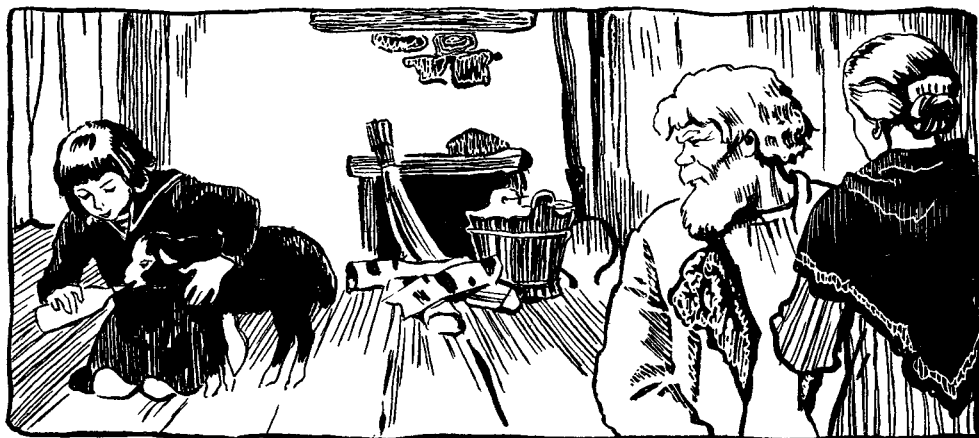
И снова ушла. Дед тоже быстро поднялся и поспешил за ней.

Валентинка встревожилась. Что случилось? Она торопливо надела платье — может, сейчас придётся бежать?

Девочки спокойно спали на большой кровати. На краю печки похрапывал Романок. Ну почему же они все спят, когда в доме такая тревога?

Через некоторое время захлопали двери во дворе, раздались шаги в сенях. Вот мать идёт, вот дед, а вот ещё чьи-то мелкие шажки — тук, тук, тук...

Открылась дверь. Вошли мать и бабушка, а за ними вбежала большая чёрная овца.



Мать что-то несла завёрнутое в дерюжку. И когда она эту дерюжку развернула, Валентинка увидела маленьких, ещё мокрых ягнят. Она вскочила с постели:

— Ой, какие малюсенькие!

Ягнят было трое. Они еле стояли на своих растопыренных тонких ножках.

Овца подошла к ним и начала их облизывать своим шершавым языком и так яростно лизала, что ягнята не могли устоять — падали и кувыркались.

— Ну, хватит, хватит! — сказала мать. — Умыла, и ладно. Давай-ка лучше покорми своих ребят!

Дед подержал овцу, а мать взяла ягнят и подсунула к вымени. Ягнята тотчас принялись сосать. Только вышло не совсем хорошо: два чёрных сосали, а третий, белогрудый, бегал вокруг и кричал тоненьким голоском. Мать оттащила одного чёрного и подсунула белогрудого. Но чёрный рвался из рук. И не успела мать его выпустить, как он уже снова бросился и оттолкнул белогрудого. Мать покачала головой:

— Вот безобразники! Придётся этого отдельно подкармливать.

Она налила молока в бутылку и надела резиновую соску. — Неужели пить будет? — удивилась Валентинка. — Разве он сумеет из соски? Разве он ребёночек?

— А кто же он? — улыбнулась мать. — Конечно, ребёночек... Овечий только.

Ягненок сначала не взял соску, выплюнул. Но когда капелька молока попала ему на язык, он почмокал и принялся сосать.

— Дай-ка я! — попросила Валентинка. — Дай, пожалуйста!

Мать дала ей бутылку.

— Гляди-ка, пьёт! — обрадовалась Валентинка. — Пьёт из соски! Ой, до чего милая мордочка! До чего милые глупые глазочки!..

Валентинка обняла ягнёнка и поцеловала его в белый круглый лоб. Мать и дед посмотрели друг на друга и молча улыбнулись.

— Может, и приживётся, — пробормотал дед, кряхтя и укладываясь спать. — Наши-то вон к скотине не больно ласковы, а эта — ишь...

— Не сглазь! — тихо ответила мать.

Валентинка не слышала этих слов. А если бы и слышала, то не обратила бы внимания, так она была рада ягнётам.

Ведь она таких барашков видела раньше только на картинках!

Валентинка заводит в овчарне нерушимую дружбу

Ягнёта так и остались жить в избе. Мать боялась, что в овчарнике они замёрзнут, простудятся, да и овцы их могут ушибить.

С ягнётами в избе стало очень весело. Несколько раз в

день к ним приходила овца, кормила их. Белогрудому доставалось меньше всех. Но для него всегда бывала приготовлена бутылка с тёплым молоком, и Валентинка поджидала его.

И к молоку и к Валентинке ягненок привык очень скоро. Ей уже не приходилось совать ему соску в рот — он сам хватал её, чмокал и подталкивал, как подталкивают ягнята вымя, когда молоко задерживается.

После кормежки ягнята начинали играть. Они бегали взапуски взад и вперёд — из кухни в горницу, из горницы в кухню. Маленькие твёрдые копытца мелко стучали по полу, будто горох сыпался. Ягнята подпрыгивали, подскакивали, налетали друг на друга, бодались безрогими лбами и снова мчались гурьбой от печки в горницу и из горницы к печке.

— Будет вам! — кричала на них мать. — Опять есть захотите!

Романку не терпелось — ему непременно хотелось схватить какого-нибудь ягненка на руки. Ягнята не давались. Он бегал за ними, падал, они прыгали через него, девочки смеялись, и такой шум поднимался в избе, такой базар!..

Валентинка не могла радоваться на ягнят. Особенно на своего, на белогрудого. Он её знал, и Валентинка этим очень гордилась. Если бы можно было, она бы не расставалась с ним. Она целовала его маленькую мокрую мордочку, белую отметину на лбу, тёплые атласные ушки и осыпала его всеми ласковыми словами, какие только могла придумать.

Мать давала ягням попрыгать и поиграть, а потом загоняла их в хлевушок под кухонной лавкой. Валентинка сначала помогала ей. А потом целиком взяла на себя эту заботу — выпускать их к овце, загонять обратно, убирать грязную подстилку и стелить свежую. И часто, когда ягнята сладко дремали в тёплой полутьме, она сидела возле и в щёлочку любовалась ими.

Прошла неделя. Ягнята подросли, окрепли. Их густая

шерсть закрутилась пушйстыми завитками. У двух чёрных отчётливо выглянули крутые рога.

— Ну, братцы, порá вам в овчáрник, — сказала мать. — Довольно тут грязнить да буйнить!

Валентинка помогала переселять ягнят. Как жалко! Ну где им там попрыгать? Большие овцы их затолкают. А вдруг этот дуралей, жёлтый бык, из своего стойла вырвется да начнёт бушевать по овчарнику?

— Ничего, ничего, — говорила мать, — привыкнут. А этого дуралея мы не выпустим. А хочется ему: ишь как поглядывает!

Бычок смиренно глядел на них сквозь широкую щель своими влажными большими глазами. Валентинка вспомнила, сколько ей пришлось однажды вытерпеть из-за этого смиренного. Но она подошла к нему, увидела его забавную тупую морду, потрогала нежные складочки на его жёлтой шелковистой шее и забыла все свои обиды:

— Огонёк, дай я тебя поглажу, миленький!

А когда вышли из овчарника, она обратилась к матери:

— Можно, я буду с тобой Огонька поить?

— С кем?

Валентинка потупила голову: она знала, что матери очень хочется, чтобы Валентинка сказала: «С тобой, мама!»

Но она не могла назвать её «мамой». Ну не может, и всё!

— Ну что же, — со вздохом сказала мать, — если хочешь, давай поить вместе.

С этого дня Валентинка стала ходить с матерью в овчарник. Мать показала ей, как открывать дверцу, чтобы не выпустить бычка, как ставить бадёйку, чтобы он её не опрокинул, и как держать её, чтобы он не ударил рогом. А рога у него уже торчали в стороны, как у заправского быка.

Сначала Валентинка побаивалась Огонька — такой он неумный, такой бестолковый: наскáкивает, толкается, чуть

с ног не сшибёт. А чуть зазеваёшься, сейчас заберёт себе в рот Валентинкино платье и начнёт жевать. Вот какой чудной! А однажды он лизнул Валентинку прямо в лицо, словно теркой провёл.

— Ой, меня бык умыл! — закричала Валентинка со смехом.

Мать засмеялась тоже:

— Вишь, как он тебя любит! Знает же, глазастый, кто ему пошло носит!

Зато в избе, когда увели ягнёток, Валентинке показало пусто и скучно. Тайска и Романок пропадали на улице. Домосёдка Груша или учила уроки, или вязала чулки. И тогда Валентинка снова расставляла свои картинки, глядела на них и что-то шептала, словно разговаривала с невидимыми людьми.

Валентинка рассказывает историю

Груша читала вслух сказку про хромую уточку. Дойдя до того места, где уточка превратилась в девушку, Груша положила закладку и закрыла книгу.

— Ну что же ты! — сказал Романок. — Ну, а дальше?

— Дальше нам не задано, — ответила Груша. И, потянувшись, сладко зевнула: — Поспать бы!

На улице лепило — не то снег, не то дождик. Носа не высунешь.

Тайска бродила по избе, не зная, чем заняться, и, заглядывая в окна, раздумывала: шибко она промкнет, если добежит до Алёнки, или не шибко?

Валентинка сидела в уголке за комодом. Картинки стояли перед ней. Романок подсел поближе и спросил:

— Это что — корабль?

— Да, — нехотя ответила Валентинка.

— А куда он плывёт?

— Вокруг света.

Романку стало интересно:

— Как — вокруг света? А где это? А какой корабль? А на корабле кто? А зачем он плывёт вокруг света?

— Это Магеллан плывёт, — сказала Валентинка.

Когда-то мама рассказывала ей о великих путешественниках, которые открывали новые земли. Про этих путешественников у них в доме была толстая книга с картинками. Больше всех ей почему-то запомнилась история хромого Магеллана. Как он проплыл по морьям вокруг света, как он сражался с дикарями, как он умер. И хотя неизвестно, чей корабль был нарисован на картинке, она решила, что это корабль Магеллана.

— Видишь, как волны бушуют? Это ведь не река, это море. А на корабле матросы. И вот кричат: «Не хотим дальше плыть! Хотим обратно домой!» А из каюты выходит капитан. Он идёт и хромает, идёт и хромает. Но это ничего, что он хромает, — он смелый! Он говорит: «Молчите! Мы домой не вернёмся, а мы будем плыть всё дальше! Там золотой остров, весь золотым песком усыпанный! А в речках лежат жемчужины — бери сколько хочешь!»

Валентинка рассказывала Романку, как моряки нашли золотой остров, как пальмы на нём звенели своими золотыми листьями и как драгоценные камни сверкали в чашечках цветов и маленькие эльфы с цветными фонариками летали по ночам над лугами...

Об этом мама не говорила ей. Это она только что придумала. Но что ж из того, если Романку интересно!

Тайска тоже слушала чудесную историю. Она смотрела на синее море, на зелёные пальмы, которые виднелись вдаль, на крутобóкий корабль, увешанный парусами. Ей чудилось, что она видит, как ходит по палубе хромо́й капитан, она различала блеск золотого песка на далёком берегу острова, она

слышала звон чистых ручьёв, на дне которых лежат светлые жемчужины...

— А на этой картинке — видишь? На них напали дикари...

Валентинка показала Романку вырезанную из книги иллюстрацию, где голые люди со стрелами нападали на людей, одётых в испанские костюмы.

— А кто кого убил? — спросил Романок.

— Он Магеллана убили. Видишь, он падает?

— Ну, давай говори! — вдруг вмешалась Тайска. — Ты всё по порядку говори. Это какие люди — русские или немцы?

— Что ты! — улыбнулась Валентинка. — Тут русских нету! Это испанцы. А это дикари.

— И всё так не бывает, — сказала Груша зевая, — и всё придумала...

— А ты почему знаешь? — закричала Тайска. — А вот и бывает!

— Значит, ты знаешь?

— А вот и да! Знаю!

— Видела, что ли?

— А вот и да! Видела!

— С тобой говорить — язык наварить, — сказала Груша и замолчала.

— А ещё про какие-нибудь картинки знаешь? — спросила Тайска Валентинку.

— Знаю.

— А про какие знаешь?

— Да про все знаю.

— А расскажешь? Про всё расскажешь?

Валентинка обещала. А пока что она собрала картинки и уложила в сумочку. Мать готовила поёло, надо было идти в овчарник.

— Давáй я с тобо́й пойду́ быка́ поить? — предложи́ла Та́йска. — Давáй бу́дем вме́сте?

Валенти́нка не зна́ла, ра́доваться ей и́ли нет. Хорошо́, е́сли Та́йска и впра́вду бу́дет дружи́ть с ней. А мо́жет, она́ то́лько так, дура́чится, а пото́м возьме́т да ка́к-нибудь и подве́дет Ва-ленти́нку.

И она́ отве́тила е́ле слы́шно:

— Давáй.

Пошли́ все трое́: мать всё-таки хоте́ла посмотре́ть, как мо-лодые хозяйки бу́дут одни́, без неё, управля́ться. И не напрáсно пошла́. Та́йска срáзу так напугáла овец, что они́ чуть всех ягнят не потопта́ли, а с быко́м тут же подра́лась и с доса́ды хоте́ла баде́йку с по́йлом опроки́нуть ему́ на го́лову.

— Э, иди́-ка ты отсю́да! — сказа́ла мать. — Так, ма́тушка моя́, за скоти́ной не ходят. Ступáй-ка лу́чше принеси́ им све́жей соло́мки да сенца́ клочо́к позелене́е вы́бери.

— Вот и хорошо́! — пробурча́ла Та́йска.

И побежа́ла за се́ном.

*Та́йска уводит Ва́лентинку на улицу и неожида́нно
получает синяк*

Перед ве́чером проясне́ло, сно́ва уда́рил лёгкий морозец. Но снег почерне́л и подёрнулся на́стом. Зажурча́ли невидимые подсне́жные ручьи́.

Та́йска приста́ла к Валенти́нке:

— Пойде́м к девчо́нкам! Ну что ты всё до́ма да до́ма? То́лько и сиди́шь в углу́, как мышь!

— Ступáй, ступáй, — подхвати́ла мать, — пуска́й тебя́ ве-терко́м обду́ет.

— В овра́г пойдём! По́мнишь, где гли́на?

Интересе́но посмотре́ть, како́й э́то овра́г. А мо́жет, там уж и сне́га нет и пеще́рки ви́дно.

Валентинка оделась. Вместо худых ботинок мать дала ей старые Грушины валенки с калошами. Девочки отправились. Романок тащился сзади. Зернистый снег проваливался и крепко хрустел под ногами. По дороге зашли за Варей, постучали в окно Алёнке. Девочки немножко сторонились Валентинки, они ещё не привыкли к ней.

Дошли до прогона и свернули на узкую тропочку, которая вела вниз к реке. Тут возле тропочки и был овраг. Край его обнажились и ярко желтели под солнцем.

— Смотрите, вербушка! — вдруг сказала Варя. — Барашки вылезли!

— Где?

На самом краю оврага среди ольховых кустов стояла молодая верба. Её темно-красные ветки были украшены белыми шелковистыми комочками. Это было самое веселое, самое нарядное деревце во всем перелеске.

Девочки стали думать, как бы достать вербушку. На дне оврага лежал глубокий снег. Только Тайска долго думать не стала, ползла прямо через сугроб. Местами наст выдерживал её, местами нет, и тогда Тайска проваливалась выше колён и барахталась в жестком снегу. Снег набился ей в рукава и в валенки. Но Тайска всё-таки добралась до вербы:

— Эй, вербушка!

Девчонки, видя такую удачу, тоже ползли через сугроб. И Валентинка ползла. Ей было и страшно — а вдруг провалишься с головой! — и интересно: ещё никогда не приходилось ей перелезть через такой сугроб. Будто она моряк, который отправляется в широкое море и не знает, переплывёт его или нет. Когда ноги скользили по блестящей корочке наста, ей казалось, что она идёт, не касаясь земли. Когда вдруг с хрустом ломался наст, ей чудилось, что она стремглав летит куда-то в пропасть... Она выкарабкивалась, отряхивала снег и смеялась вместе с девчонками.

Вот и вѣрба! Какáя она пушистая, как она распрáвила свой вѣтви, да́же ломáть её жáлко!

Но Валентínке жáлко, а Тайске не жáлко. Она́ уже́ целый пук наломáла. И Вáре с Алёнкой не жáлко, они́ тóже ломáли и кромсáли тёмно-красные вѣтки. И Романкú не жáлко. Он стои́т на тропínке и кричи́т, что́бы Тайска ломáла бо́льше — на его́ до́лю. Но не иди́ же Валентínке домо́й с пусты́ми рука́ми! Она́ отломíла одну́ пушистую вѣтку. Какáя сочная и как о́стро па́хнет, когда́ отлóмишь!

«Ещё́ зимá, а она́ цветёт!» — подумáлось Валентínке. Но, оглянúвшись кругóм, она́ среди́ чѣрных дере́вьев уви́дела кусты́, увѣшанные краси́во-бу́рыми серёжками. Что тако́е? Кругóм блестит снег, а кусты́ стоят и красúются, бóдто уже́ май наступи́л на у́лице! Краси́вые серёжки над сне́гом! А вот и ещё́ чудесней: низенькие кúстики внизú овра́га подёрнулись, слóвно тумáном, лёгкой зѣленью. Ещё́ зимá кругóм, ещё́ спят ёлки и большúе дере́вья стоят совсём го́лые и безмóлвные. Но что же волшебное случи́лось здесь? Мóжет, самá весна́ была́ ётой но́чью в перелёске и дотрону́лась до ётих кустóв?..

— Валентínка, ты что же? — крикнула Тайска. — Чего́ стои́шь?

Валентínка встрепенúлась. Девчóнки с охáпками вѣрбы уже́ вы́брались на тропínку. Валентínка пусти́лась в обратное путешѣствие чѣрез сугрóб. Когда́ все собрались на тропínке, дѣвочки удивились:

— Что же ты, Валентínка, лáзила, а ничегó не наломáла! Одну́ веточку тóлько!

— Há вот, я тебе́ дам, — сказа́ла Вáря.

— Я самá дам, — вмешáлась Тайска, — у меня́ хвáтит! Вдруг откúда-то из-за кустóв вы́летел сне́жный комóк и — бах! — прýмо Тайске в спи́ну.

— Ай! Кто ёто?

Послы́шался негрóмкий смех. Из-за кустóв вы́летело срá-

зу нѣсколько жѣстких снежковъ, и кому в затылок, кому в грудь, кому прямо в лоб...

— Мальчишки! — крикнула Вѣра. — Вѣрбу отнимут! Бежим!

Дѣвочки пустились домой. Тайска самая первая, Валентинка самая послѣдняя — очень большіе и тяжёлые были у неё валенки. Даже Романок обогнал её.

— Догоняй, догоняй их! — кричали сзади мальчишки. — Вѣрба хлѣст, бѣт до слѣз! Вѣрба бѣла, бѣт за дѣло! Э-э!.. А-а!..

Мальчишек было только двое, но Валентинке показало, что сзади налетает какая-то дикая орда.

Снежки так и летѣли чѣрез голову и то и дѣло больно стучали в спину.

Видя, что Валентинка отстаёт, они сосредоточили весь свой снѣжный огонь на её синем капоре.

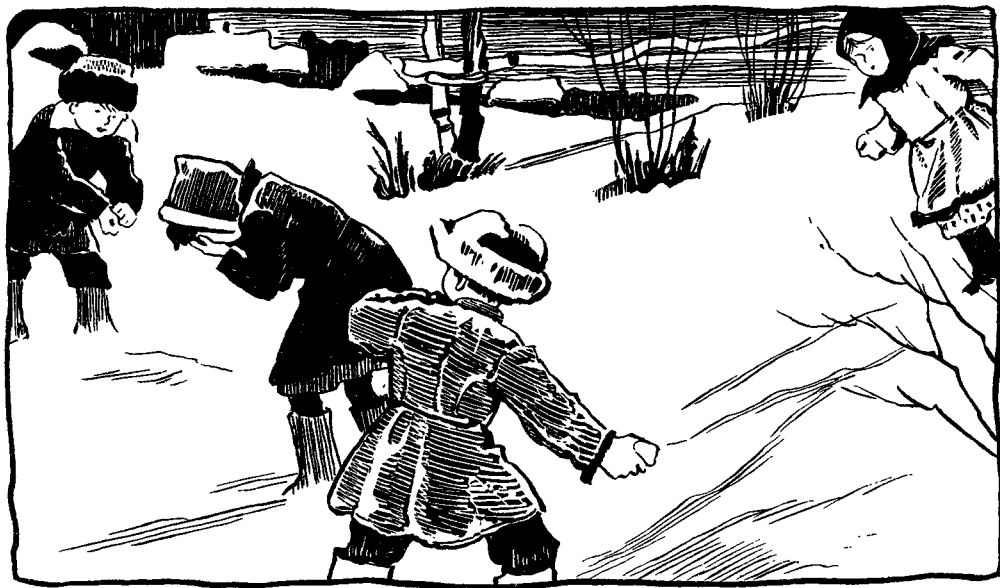
Дѣвчонки всё дальше, даже Романок прыгает, как заяц, а Валентинка спотыкается, скользит, и ноги её отказываются бежать. Что ей дѣлать? Как ей спастись?

И тогда она закричала пронзительно, изо всех сил:

— Тайска! Тайска!

Тайска была уже на горѣ. Она остановилась и оглянулась. Мальчишки настигали Валентинку и, весело выкрикивая «вѣрбу», с двух сторон забивали её снѣгом. Валентинка уже не пыталась бежать, она стояла, согнувшись и закрыв руками голову.

Тайска сунула свою вѣрбу Романку в руки и, словно коршун с высоты, устремилась обратно вниз. Она с разбѣгу налетѣла на Андрюшку — он стоял ближе — и сцепилась с ним. Она сбѣла с него шапку и старалась схватить за волосы. Андрюшка дал ей тумака, а сам нагнулся за шапкой. Тайска уловила момент и запустила руку в его вихры. Другой мальчишка, Колька Соскин, сначала растерялся, но потом снова



схватился за снежки. Бой начался не на жизнь, а на смерть. Тайска царáпалась и налетáла на мальчишек, слóвно разъярённый петúх.

— Бегí! — кричала она́ Валентínке. — Бегí! Я с ними... сейчас... распрáв... распрáвлюсь!

Но Валентínка не побежала. Она́ неожиданно подскочила к Андриюшке и начала́ хлестáть его́ своей вёрбой.

— Ой, ой! — закричал Андриюшка. — Ты ещё глаз вьстегнешь! — и закрыл рука́ми лицо́.

Тайска схвати́ла Валентínку за рукав:

— Пойдём. Хватит с них. Они́ тепёрь будут́ знать, кака́я вёрба хлест!

Домой явились́ прямо́ к уборке. Валентínка вся ещё дрожала́ после боевой схватки. Тóлько вóзле ягнётков, вóзле жёлтого тёплого Огонька́ она́ успокоилась.

— Эх ты, лизун! — сказала́ она́, поглаживая его́ нежную

шею. — Стоишь тут и ничего не знаешь. А в овраге что делается!

Большой букет вербы красовался на столе в горнице. Тонкий аромат леса бродил по избе. Валентинка подседа к деду:

— Дедушка, ты знаешь... Ты не поверишь, наверно, но это правда, я сама видела!

— Что видела?

— В овраге! Кругом снег, а на кустах зелёные листики. Мелкие-мелкие, но всё-таки листики! А на другом кусте, на большом, красные серёжки... Хочешь, пойдём покажу?

Но дед и не думал не верить.

— Вот так чудо! — усмехнулся он. — Да это ольха зацвела. Она всегда так торопится. Это чтобы листья ей цвести не мешали. Она любит цвести на просторе, чтобы ей цветы ветерок обдувал. А те зелёные — так это ивняк. Деревце негородное — солнышко греет, и ладно!

За ужином все увидели, что у Тайски заплывает глаз и веко почернело. Первая заметила Груша:

— Смотрите, глаз-то у Тайски!

— Вот так фонарь! — сказал дед. — Теперь нам и лампы не нужно, и так светло!

— Батюшки! — удивилась мать. — Это где же тебя угораздило? Стукнулась, что ли?

— Небось с мальчишками подралась, — сказала Груша.

Тайска молча уплетала щи, будто не о ней шла речь. Но последнее замечание её задело.

— А вот и да! — ответила она. — Вот и подралась! И ещё подерусь!

— Тайска, — с упреком сказала мать, — ну уж это хорошо — с мальчишками драться?

— А если они нашу Валентинку бьют? — крикнула Тайска. — Это хорошо, да?

— Онí нашу Валентínку снёгом! — сердíто сказа́л Романóк.

— Нашу Валентínку... — повторíла Гру́ша, слóвно при-
слу́шиваясь к э́тим слова́м. — Нашу...

А дед потрепа́л Тайску по плечу́:

— Так и на́до. Если на́ших бьют, спуска́ть не на́до!
Дерíсь!

Праздник весны. Жаворонки из теста

Это был пра́здник. Но о та́ких пра́здниках Валентínке
никто́ никогда́ да́же и не расска́зывал.

Ещё с ве́чера Тайска верте́лась во́зле ма́тери:

— Ма́мка, погляди́-ка на чи́сленник...

— Поглядéла. Двадцáтое. Что же да́льше?

— А да́льше — за́втра два́дцать пе́рвое. Ты что же, за-
бы́ла?

— А что та́кое два́дцать пе́рвое? Война́ ко́нчится,
что ли?

— Да ма́мка же, не притворя́йся! Ведь за́втра жа́воронки
прилетя́т!

— Отста́нь! — с доса́дой отве́тила мать Тайске. — Нужны́
мне о́чень твой жа́воронки! Прилетя́т, и ла́дно!

Тайска чуть не запла́кала:

— Да ведь те́сто ста́вить ну́жно!

Но мать ниче́го не отве́тила.

А по́здно ве́чером она́ всё-таки взяла́ большúю гли́няную
ба́нку и тихо́нько замеси́ла те́сто.

На друго́й день Валентínка вста́ла порáньше и вы́шла на
крыльцо́. Мо́жет, она́ уви́дит, как летя́т жа́воронки!

Све́жее, лучеза́рное у́тро встрети́ло её. Не́истово чирика́ли
воробьи́ под о́кнами. Крича́ли грачи́. На íзгороди сидéла кра-
сíвая че́рно-бе́лая со́ро́ка и погля́дывала на Валентínку то

одним гла́зом, то другим. И по всей деревне из конца в конец без умолку голосили петухи́.

На крыльцо́ вышел дед:

— Ты что рано выскочила?

— А я жаворонков гляжу́. Тайска говорит, они́ прилетят сегодня́.

Дед усмехнулся:

— Эка, хватились! Да уж я одного́ ещё на той неделе слышал!

Дед взял метлу́, промёл канавку с водо́й, а потом подошёл к ста́рой берёзе и стал прислушиваться к чему́-то. Валентинка подошла́ к нему́:

— Дедушка, что ты слушаешь?

— Слушаю, как у берёзы сок пошёл. Слышишь?.. От корня вверх. Так и напирáет. Слышишь?..

Валентинка слúшала, приложив́ у́хо к прохладной атласистой коре́. Где-то тихонько шумело, где-то журчало — мо́жет, это вода́ журчала в канавке, мо́жет, это ветерок шумел. Но Валентинка шепнула́:

— Слышу!

Вдруг на крыльцо́ выскочила Тайска и закричала звонче, чем все деревенские петухи́:

— Валентинка, иди́ жаворонков лепить! Ну скорей же ты, ну скорей же!

Валентинка побежала в избú. На кúхонном столе́ пыжилось пúхлое ржаное тесто. Ребятишки окружили стол. Даже ленивая Груша встала порáньше. Даже Романок проснулся, хотя́ завтрак ещё не́ был готов.

— Жаворонков лепить! — крикнул Романок.

— Каких жаворонков? — удивилась Валентинка. — Из чего́ лепить? Из теста?

— Не знает! — со вздохом сказала Груша. — Ничего́ не знает! Вот уж правду тётка Ма́рья сказала...

— Много правды твоё тётка Мária наговорила! — прервала мать. — Людём надо слушать, когда они доброе говорят. А когда говорят злое, слушать тут нечего, а не то что повторять. Чтоб ни про какую тётку Марию я больше не слышала!..

— Берё тесто, — сказала Тайска, — лепи.

— А как?

— Да как хочешь! Вот, гляди, какого мамка слепила!

На большом противне лежал первый жаворонок. Правда, он очень мало был похож на птицу. Хвост у него завивался крэнделем, вместо крыльев были две бараночки, вместо глаз торчали две сухие смородины, а клюва и вовсе не было. И всё-таки это был жаворонок.

Груша лепила старательно. Она хотела сделать точь-в-точь такого же. Раз мать сделала такого — значит, и всем надо делать таких.

Зато у Тайски жаворонок был необыкновенной красоты и нарядности. Хвост у него распускался веером, на голове, будто корона, поднимался высокий гребень. На крыльях, широко распластанных по столу, одно перо вниз — другое кверху, одно перо вниз — другое кверху... Такого жаворонка даже во сне увидеть нельзя!

Романок тоже что-то валял в мукé, комкал, раскатывал, расшлёпывал ладонью, а потом опять комкал...

Валентинка отрезала себе кусок теста:

— Значит, какого хочё?

Она сделала своему жаворонку хвост в три пера, каждое перо с завитушкой. А крылья сложила на спинке и концы подняла кверху. Жаворонок вышел не похожий ни на материн, ни на Тайскин.

— Вот здорово! — сказала Тайска. — Давай придумаем, чтоб все разные-преразные были!

Противень заполнялся. Удивительные птицы появлялись на нём — и маленькие и большие, и с длинными хвостами и с короткими, и с гребешками и без гребешков...

Только Грушины все были похожи друг на друга: хвост крендельком и крылья баранками. Романок наконец тоже сделал жаворонка. Но мать не захотела сажать его на противень:

— Куда такого чёрного? Кто его есть будет? Не жаворонок, а валякушка! Нет ему места!

— Ну и не надо! — сказал Романок. — Я его и так съем, — и недолго думая тут же съел своего жаворонка.

Никто не уходил гулять. Так и похаживали у печки: как-то испекутся жаворонки, как-то они зарумянятся!

Теплы, приятный запах расплывался по избе. Это жаворонками пахнет, праздником, весной... Ну скоро ли они будут готовы?

Тайска приставала к матери:

— Мамка, ты не забыла?

— Отстань!

Но Тайска не унималась:

— Мамка... ну, может, я погляжусь?

— Уйди! Не суйся к печке!

— Ну, смотри! А то, может, ты забудешь...

Вкусный запах стал густым и жарким.

Мать вытащила противень. У, какие чудесные, какие зарумяненные птицы сидят на нём! Целая стая! Что, если они сейчас взмахнут своими необыкновенными крыльями да и полетят по всей избе?

Тайска прыгала и визжала от радости. Валентинка смеялась. Романок порывался схватить то одного жаворонка, то другого... Только Груша издали поглядывала на них. Ну что там особенного? Этим маленьким всегда всё на свете интересно!

Мать каждому дала по жаворонку. Каждый выбрал какого хотёл. И когда дед пришёл завтракать, ребяташки встретили его в три голоса:

— Дедушка, гляди-ка, жаворонки прилетели!

Дед поглядел на жаворонков и покачал головой:

— Ух ты! Вот это птицы так птицы!

Лёд пошёл. Романок чуть не превратился в Магеллана

Валентинка проснулась среди ночи от какого-то далёкого, неясного шума. Она встревоженно прислушалась. Шумело ровно, широко, стремительно. Валентинка привстала. Может, разбудить мать? Может, это фронт нагрянул? Может, идут по дорогам немецкие машины и шумят-шумят, а деревня спит и не слышит ничего?

Тёмная-тёмная ночь глядела в окна. По стёклам шуршал дождь, и что-то тихонько постукивало по наличнику.

Шум не затихал и не становился сильнее. Валентинка успокоилась. Нет, это не машины шумят. Так может ветер шуметь в густых вершинах, так, может быть, шумит море.

Валентинка улеглась, но долго не могла уснуть. Что происходит там, в сырой весенней темноте? Что-то таинственное, что-то чудесное и немножко жуткое...

Утром, проснувшись, она снова услышала тот же монотонный шум.

Тайска умывалась. Она, смеясь, брызнула на Валентинку водой:

— Вставай! Пойдём реку смотреть — лёд пошёл! Слышишь, как шумит?

— Это река шумит? А, так, значит, это река шумит! Она ещё ночью шумела. А я подумала...

— Что подумала?



— Так, ничего.

Все нечаевские ребятишки высыпали на реку. Маленькие стояли на горе, пригретой солнышком. А ребятишки постарше и посмелее подошли к самой воде. У, как бурлила вода, как она крутилась воронками! Лдины плыли по реке, стлкнувались, натывались на берега и снова мчались куда-то. Река прибывала, вздувалась, начинала выступать из берегов. Она казалась Валентинке огромной, сильной и опасной. Кто её знает — вот возьмёт да и выхлестнет сейчас на берег, затопит луг, рощу, а их всех утешит и понесёт вместе со льдом.

Как она́ глубока́, навёрно! И кака́я холо́дная, стра́шная э́та глубина́!

Мальчи́шки стоя́ли на берегу́. Романоќ был с ними́. Онí стоя́ли на са́мом краю́ и броса́ли па́лки на середину́ реки́, что́бы посмотре́ть, как онí кру́тятся в буру́нчиках.

Вдруг мальчи́шки закрича́ли. Край бе́рега, на кото́ром онí стоя́ли, отдели́лся и ме́дленно поплы́л... Это был кусо́к льда, приби́тый к земле́. Реба́та оди́н за други́м пры́гали на бе́рег. То́лько Романоќ, растеря́вшись, стоя́л и не знал, что ему́ де́лать.

А поло́ска воды́ ме́жду ним и бе́регом потихо́ньку увели́чивалась и увели́чивалась.

— Пры́гай! — крича́ли ребята́шки. — Пры́гай скорей́!

— Пры́гай, дура́к! — взвизгну́ла Тайска.

Валенти́нка, уви́дев Романка́ на уплыва́ющей льди́не, тако́го ма́ленького, жа́лкого и растеря́нного, забы́ла всё на све́те.

Она́ пры́гнула в во́ду, сде́рнула Романка́ со льдины́ и вме́сте с ним вы́скочила о́братно на бе́рег.

Всё произошло́ о́чень бы́стро. Валенти́нка да́же испуга́ться не успе́ла. Но она́ уви́дела уплыва́ющую льди́ну, кото́рая уже́ неслась по течению́, — ведь Романоќ сейча́с стоя́л бы на ней! Она́ загляну́ла в те́мную во́ду, в кото́рую то́лько что пры́гнула, — до чего́ стра́шная э́та вода́! И ей стало́ до того́ жутко, что слёзы́ подступили́ к го́рлу.

Тайска подлетела́, отшле́пала Романка́ и отогнала́ его́ от реки́, сло́вно он не челове́к был, а кака́я-нибудь овца́.

Пото́м подошла́ к Валенти́нке:

— Как же тепе́рь домо́й-то иди́ть? С тебя́ так и льёт. Полны́ ва́ленки небось. А ну́-ка скинь!

Де́вочки помогли́ Валенти́нке снять ва́ленки и вы́лили из них во́ду. Валенти́нка дрожа́ла.

— Пошли́ к ба́бушке Сла́виной! — сказа́ла Ва́ря. — Она́

дóбрая. Мы когда́ зимой в прóрубь провали́лись, она́ всех нас суши́ла.

— И пра́вда! — подхвати́ла Тайска. — Пошли́!

Ба́бушка Сла́вина оди́ноко жи́ла в сво́ей ма́ленькой избу́шке. Ни родных, ни бли́зких у неё не́ было. Но когда́ сосе́ди заходи́ли к ней за како́й-нибудь нуждо́й и́ли ребя́тишки забега́ли со сво́им го́рем, она́ всегда́ была́ ра́да помо́чь, чем то́лько могла́.

Ба́бушка велела́ Валенти́нке снять ва́ленки и намо́кшее пла́тье, дала́ ей сво́ю шубе́йку и затопи́ла пе́чку. А на стол поста́вила чугуно́к со сла́дкой па́реной брю́квой:

— Ешьте! Ме́д, а не брю́ква!

Девчо́нки всё ещё пережива́ли случи́вшееся. Они́ уже́ не дичи́лись Валенти́нки.

Да и Валенти́нка то́же бо́льше не боя́лась их. Они́ не смея́лись над её си́ним ка́пором. Они́ не разгля́дывали, ка́кие у неё чулки́.

— А всё-таки́ у нас Валенти́нка сме́лая, — сказа́ла Тайска. — Я ещё́ и опомни́ться да́же не успе́ла...

Але́нка поёжилась:

— Пря́мо в во́ду! Ух!.. А е́сли б тут не ме́лко бы́ло? Если́ б тут я́ма была́?

— Стра́шно! — прошепта́ла Ва́ря.

— Ну и что́ ж, что́ стра́шно! — отве́тила Валенти́нка. — А е́сли б Рома́нок ваш был? И ты то́же пры́гнула бы. Ма́ло ли что́ стра́шно! Ко́нечно...

Она́ вдруг запла́кала. Её́ сно́ва предста́вилось, как бу́рная река́ уно́сит льди́ну и Рома́нок стои́т на э́той льди́не и смóтит на всех испуганны́ми си́ними глаза́ми. А льди́ну уже́ ве́ртит, уже́ кру́тит в воде́...

— Ой, что́, е́сли б э́то и в са́мом де́ле случи́лось?

— Ну, ведь не случи́лось же, ведь не случи́лось же! — повто́ряла Тайска. — Ведь не случи́лось же!

Но неожиданно всхлипнула и сама́. И тут же рассердилась:

— Уж и надаю́ я этому́ Романку́ сегодня́! Бúдет он у меня́ знать, как в реку́ соваться!

Огонёк увидел солнце

Сѣрые стояли дни. Тяжёлый, сырoй туман висел над землѣй. Нoчи бьли непроглядны. Тoлько вѣтер шумел и рекá бушевала вдали́.

И вдруг ударило солнце. Засверкали Грушины спицы, вoткнутые в клубок, слoвно серебряные засветились ручки у комода, заблестела посуда на полке, и на большoй глиняной миске отчетливо проглянули глянцевоe синие цветы́.

А на подоконниках, затoпленных солнцем, свежо́ и сквозисто зеленели дедушкины сеянцы.

Валентинка была́ молчалива. Но ей казалoсь, что начался какой-то необьяснимый длительный праздник. Этот праздник не имел названия, но он был разлит в воздухе, глядел в oкна.

Она́ вышла на улицу — праздник был и здесь. Да ещё какой!

Снег уже́ исчез — туман и чёрные но́чи согна́ли его́. Синие лужи, слoвно осколки зеркала, ослепительно сверкали под солнцем. Тoнко звенел ручеёк, бегущий чѣрез двор. А вoзле избы́ на старoй берѣзе пел скворец. Как он пел! Он слoвно хотел рассыпаться сам в своих звонких трелях, он да́же крылья распускал и весь трепетал от неизбывного счастья.

Дед на усадьбе подправлял изгородь. Он постукивал топором по тонким ольховым жердям, подгонял их, прилаживал к высоким ко́льям, перевязывал мягкой, как волокно́, ивово́й корoй.

Но вот он остановился отчего-то, поднял бороду и глядит в небо. Валентинка сразу встревожилась. Что там? Самолёт? Фашистский?

Дед поманил её пальцем. Валентинка подошла. И — как хорошо! — вместо жёсткого, воющего гула военных пропеллеров она услышала ещё одну птичью песню. Словно серебряные колокольчики звенели вверх. Словно серебряный дождик падал на землю. Высоко-высоко дрожала в небе маленькая птица.

— Дедушка, кто это? — спросила Валентинка. — Это соловей?

— Это не соловей, — ответил дед, — это самая наша крестьянская птичка. Всегда она с мужиком в поле. Мужик работает, а она над ним поёт, веселит его, радуется. Это, Валентинка, жаворонок!

— Жаворонок?!

Тотчас вспомнились жаворонки, которые они лепили из теста. Какой же этот? Может, как Тайскин — с широкими крыльями и гребешком на голове? Или такой, как был у неё, — с тремя перьями в хвосте? Какие у него перья, синие или красные?..

Но нет — в толстой книге был нарисован жаворонок. Маленькая серая птичка с хохолком на голове. Такая же простая серая птица, как воробей.

Ну и пусть как воробей! Пусть совсем простая и совсем серенькая. Всё равно это самая лучшая птичка на свете!

Среди улицы, подёрнутой яркой зеленью, одна за другой собирались бабы-колхозницы. Сначала две встретились, заговорили и остановились. Потом из соседних дворов подошли. Все поглядывали на тёплое небо, на талый, украшенный лужицами выгон, советовались о чём-то.

— Вроде как пора... Уж вон возле палисадника и крапива выскочила.

— Да, думается, порá... Чего ж томить, пусть прогуляются... Вáнька, беги за пастухом!

Вышла мать за калитку:

— Что, бабы, скотину, что ли, выгонять?

— Да вот стоим думаем.

— А чего ж думать? Тепло, хорошо... Да вот председатель идёт... Эй, Василий Никитич, подойди к нам на совет!

Председатель колхоза, крепкий загорелый старик, подошёл к женщинам, снял шапку, поклонился:

— О чём совет идёт?

— О скотине совет. Выгонять не порá ли?

— Ну что же! Хорошо, — ответил Василий Никитич. — Давайте выгонять... — А потом обернулся к Дарье, спросил приветливо: — Ну как, Дарья, твоё новая дочка? Приживается?

— Приживается! — ответила мать.

— Ну, вот и добро! Растёт ребятёшек, Дарья. А в чём нужда́ будет — приди скажи. Колхоз поможет.

Мать несколько раз кивнула ему головой:

— Спасибо, Василий Никитич! Спасибо на добром слове!

Решив выгонять скотину, женщины разошлись по дворам.

Тайска выскочила на улицу:

— Валентинка, пойдём смотреть!

Пастух встал на краю деревни и хлопнул длинным кнутом. Слобно выстрелил! Потом ещё раз и ещё...

По всей деревне начали открываться скрипучие ворота — впервые после того, как наглухо закрылись осенью. По всей деревне замычали коровы, заблеяли овцы... Вот-то гомон поднялся на улице!

Мать прежде всех выпустила корову Милку. Милка подняла голову, раздула ноздри и заревела, как в трубу затрубила.

Сонные глаза её заблестели, будто внутри больших чёрных зрачков зажглось по фонарику.

— Ну иди, иди! — сказала мать, слегка стегая её пучком вёрбы (такой уж обычай — выгонять скотину в первый день вёрбой). — Иди и другим давай дорогу!

Милка медленно вышла на улицу и опять затрубила. Соседские коровы отвечали ей.

Мать открыла овчарник, и овцы высыпали всей гурьбой. Ягнята жались к овце и кричали, как заведённые, и овца отвечала им. Белогрудый увидел Валентинку, хотел было подбежать к ней, но овцы шархнулись в сторону, и он бросился за ними, поджав хвост.

Труднее всех было справиться с Огоньком. Он был в такой радости от солнца, от вольного воздуха, от необъятного простора, который вдруг открылся перед ним! Он рвался, бодался, подпрыгивал и бегал по двору — того и гляди, расшибётся об изгородь или об стёну. Мать пыталась его успокоить, уговорить. Валентинка тоже упрашивала:

— Ну тише ты, дуралей, ну тише! Ну что ты, сумасшедший, что ли?

Наконец они вдвоём с матерью вывели бычка на улицу. Дорогой он раза два лизнул Валентинку и успел уже намусолить край материнного фартука. Но как только он увидел перед собой широкую улицу, так опять вырвался, «макнул», «бакнул», задрал хвост, разбежался и влетел прямо в пруд. Холодная вода заставила его опомниться. Он выскочил из пруда, покрутил головой. Но тут же, увидев других телят, помчался за ними.

— Вот чуело! — волнуясь, повторяла Валентинка. — Ну смотрите, все свои белые чулки испачкал!..

Скотина медленно проходила по улице. Хозяйки провожали своих коров и овец. Коровы останавливались и пробовали бодаться — надо было разогнать их. Овцы бросались то

в один прогón, то в другóй — на́до бы́ло направля́ть их по доро́ге.

Откры́ли двор колхо́зной фёрмы. Поро́дистые яросла́вские телочки, бе́лые с чёрным, одна́ за другóй выходили́ из стóйла.

Тай́ска дёрнула Валенти́нку:

— Пойдём побли́же, посмо́трим!

— А забодáют?

— Да не забодáют! Мы сзáди.

Де́вочки вы́шли на середину́ у́лицы и пошли́ за ста́дом. Све́жий ветерóк, прилетев́ший из ле́са, веял в лицó. Глубо́кая тишина́, по́лная затаённой ра́дости, лежала́ на поля́х, окружа́ющих дере́вню. Неподви́жный, сквозно́й под со́лнцем, стоя́л лес. Он сло́вно примóлк, он сло́вно прислу́шивался к чему́-то. Что творилось там? Что происходи́ло в его́ тайнственной глу́бинё?

Вдруг сзáди, совсём бли́зко, раздался негрóмкий, но грóзный и протя́жный ре́в.

— Бык! — вскрикну́ла Тай́ска и броси́лась к до́му.

Валенти́нка огляну́лась. Из воро́т фёрмы вы́шел большо́й све́тло-ры́жий бык. Он шёл, опу́стив лоба́стую го́лову, и реве́л. Острые прямы́е рога́ торча́ли в сто́роны. Он прошёл не́сколько шаго́в, нагну́лся и нача́л рыть ро́гом зе́млю. Валенти́нка растеря́лась. Она́ стоя́ла на ме́сте и не могла́ отве́сти глаз от быка́.

— Убегáй!.. — крича́ла ей Тай́ска.

Валенти́нка уви́дела, как ребята́шки броси́лись врассы́пную. Вон и Рома́нок, сло́вно вспу́гнутый гусёнок, улепётыва́ет к сосе́дям на крыльцо́.

Тогда́ и Валенти́нка наконё́ц встре́пену́лась. Она́ побежа́ла, а бык как бу́дто то́лько это́го и ждал. Он ря́вкнул, закрути́л голо́вой и двину́лся вслед за ней.

Бык пробежа́л шаго́в пять и сно́ва остано́вился. А Валенти́нка мча́лась, охва́ченная у́жасом. Она́ уже́ ви́дела, как бык



нагоняет её, она слышала прямо за собой его хриплый рёв, чувствовала его огромные рога... И она закричала, закричала отчаянно:

— Мама! Ма-ма!..

Она не знала, какую маму она звала на помощь. Может быть, ту, которая умерла?..

Но из-за коровьих спин выскочила худенькая светлорусая женщина, бросилась ей навстречу, протянула к ней руки:

— Я здесь, дочка, ко мне! Сюда!

Валентинка с размаху обхватила её за шею и крепко прижалась к ней. Опасность миновала. Как бы ни был страшен бык, разве он посмеет подойти к матери?

— Пусть подойдёт! — сказа́ла мать. — А вот па́лка-то на что?

Ста́до уходило за око́лицу. Са́мым последним прошёл бык. Он всё ещё реве́л, нюхал зёмлю и верте́л головой — ви́дно, крёпкие весённые за́пахи дурма́нили его́.

У ма́тери в си́них глаза́х свети́лась го́рдая ра́дость. Её се-го́дня наконёц-то назва́ли «ма́мой»! Ра́зве те́тка Ма́рья и́ли ба́бка Усти́нья не слы́шали, как чужа́я темноволосая де́вочка се́годня крича́ла ей на всю у́лицу: «Ма́ма! Ма́ма!..»

Валенти́нка зна́ла, чему́ радуется мать. То́лько её ли она́ назвала́ ма́мой? Мо́жет, нет?

Мо́жет, и нет. Но всё равно́, тру́дное сло́во сказа́но. А раз оно́ уже сказа́но, повторить его́ бу́дет гораздо́ лёгче!

Письмо с фронта

Всё да́льше отходи́л фронт. С тяжёлыми бо́ями выбива́ли сове́тские войска́ враго́в со своёй родно́й землёй. По-пре́жнему ка́ждый день колхо́зники поджида́ли почта́льона. Нет ли письма́ из а́рмии? Что в газе́тах: го́нят ли фаши́ста и́ли о́пять упёрся?

Мать ста́ла частёнько задумываться. Нет и нет письма́ с фро́нта... Она́ сама́ ста́ла выходить за воро́та встреча́ть почта́льона. Но уже́ издали ви́дела, что почта́льон идёт по дере́вне и не собира́ется сверну́ть к их до́му. И, пону́рив го́лову, тихо́нько возвраща́лась домо́й.

Мо́лчаливая печа́ль незаме́тно посели́лась в до́ме. Никто́ о ней не говори́л, но все чу́вствовали её, зна́ли о ней. Все, кро́ме Романка́, кото́рый ни мину́ты не сомнева́лся, что всё на све́те о́чень хоро́шо и ниче́го пло́хого́ вооб́ще не быва́ет.

Но вот одна́жды дед пришёл обе́дать в како́м-то необыча́й-

ном настроении. Он весело хмыкал, покрывал и был очень разговорчив.

— Ну как дела, пострелята? Как дела, мать? Какая у тебя похлёбка нынче?.. С грибами? Хорошо, лучше некуда!

И, садясь за стол, даже забурчал похужее на песню.

Мать поглядела на него с улыбкой:

— Отец, да что с тобой сегодня? По займу, что ли, выиграл?

Дед хмыкнул:

— «По займу»! Подумаешь, по займу! Не по займу, а кое-что побольше!

— Так чего же побольше? Медаль, что ли, получил?

— Медаль не медаль, а кое-что получил!

И вдруг не выдержал, достал из кармана голубой конверт:

— Вот он!

— Письмо?! — вскрикнула мать.

— Письмо?! — закричали ребяташки.

Груша, которая только что вошла в избу, увидев письмо, поспешно бросила свою сумку.

Мать хотела доставать из печки похлёбку, но забыла про неё и отставила ухват:

— Ну что это ты, отец? Читай же скорее!

Дед бережно вынул письмо из конверта и надел очки. Ребяташки окружили его. Только Валентинка не подошла, осталась там, где стояла.

Дед читал письмо с фронта. Отец писал, что он жив и здоров, что бьют они врагов из тяжёлых орудий, а те, как крысы, забились под дома, в подвалы, и нелегко выбивать их оттуда, проклятых.

Описывал отец, как был он в большом бою и как выгнали они врагов из нескольких населённых пунктов.

А потом отец спрашивал, всё ли благополучно в доме, здоровы ли ребяташки, как учится Груша...

Гру́ша подняла́ го́лову и го́рдо погляде́ла на Та́йску и Рома́нка. Вот как! Оте́ц про неё отде́льно спра́шивает!

— «...Как Та́йска, шибко ли озорует?»

Та́йска да́же подпрыгнула. И про неё о́тец то́же отде́льно спра́шивает!

— «...Как наш Рома́нок, наш бу́дущий бо́ец? Подраста́ет он и́ли всё ещё та́кой же карапу́з, из-под сто́ла не ви́дать?»

— И про меня́! — кри́кнул Рома́нок. — И про меня́ то́же!

А ма́ть, не спуска́я гла́з, гляде́ла на де́да и, каза́лось, ждала́ ещё че́го-то в письме́, о́чень ва́жного, о́чень ну́жного...

— «Дорога́я моя́ жена́ Да́ша, — чита́л да́льше дед, — ты писа́ла мне, что взяла́ в дом сиротку́ Валенти́нку...»

Вот оно́! Все сразу́ огляну́лись на Валенти́нку. Валенти́нка насто́рожилась, а у ма́тери на щека́х вспыхну́ли кра́сные пятна́.

— «...До́лжен тебе́ сказа́ть, — чита́л дед, — что ты, Да́ша, у меня́ у́мница и хоро́ший челове́к. Не слу́шай, что говоря́т не́которые лю́ди. Пуска́й сиротка́ найдёт в на́шем до́ме свой родно́й дом, пуска́й она́ в на́шей семье́ найдёт свою́ родну́ю семью́. Прикажи́ ребя́тишкам, чтоб они́ её не обижа́ли. Пусть живёт и растёт на здо́ровье!»

Ма́ть то́лько тепе́рь перевела́ дух.

— Вот и хорошо́! — прошепта́ла она́.

А Рома́нок подбежа́л к Валенти́нке и ве́село дёрнул её за пла́тье:

— Слы́шала? И про тебя́ то́же!

— Слы́шала! — отве́тила Валенти́нка и, покраснев, так же го́рдо, как Гру́ша и Та́йска, погляде́ла на всех.

А Гру́ша неожиданно сказа́ла:

— Ма́мка, мо́жет, на́до и Валенти́нке чулки́ связа́ть?

А весна развёртывалась всё богаче, всё краше. Неожиданно расцвела старая берёза. Наступило утро, и Валентинка увидела её, всю увешанную тёмно-красными серёжками, всю обрызганную золотистой пылью.

Тайнственный, заманчивый, темнел за усадьбами лес. Снизу уже что-то зеленело — трава, кусты... Вот если бы можно было пойти заглянуть в эту неизвестную лесную страну! Только можно ли это?

Как раз деду понадобилась оглобля. Он взял топор и сказал:

— Ну-ка, девочки, кому в лес за сморчками надо?

Романок побежал за корзиной. Тайска пробормотала сняла полусапожки, бросила их на завалинку и зашлёпала босиком по лужам:

— Пойдёмте! Дедушка места знает, покажет!

— Дедушка, я тоже пойду? — спросила Валентинка. — Мне тоже можно?

— А почему же нельзя? — удивился дед.

— А босиком тоже можно?

— Ну, это дело твоё. Не бойшься ногу напороть — иди босиком.

— Тогда подождите, не уходите — я сейчас!

Валентинка вбежала в избу. Никого не было — Груша в школе, мать на работе. Она поспешно сняла свои худые ботики и башмаки и сунула под приступку. Пробегая мимо лежанки, она нечаянно зацепила ремешок жёлтой сумочки, лежавшей на подушке. Сумочка упала, и заветные картинки выскользнули на пол, развернувшись веером. Вот избушка под снегом, вот караван в пустыне, вот корабль, плывущий в неизвестные страны... Валентинка схватила их и как попало засунула в сумочку — пусть плывут корабли по морям. Вален-

тінка идёт в лес, настоящий дѣкий лес. Она босиком побегѣт по лужам и по свѣжей травѣ, и они пойдут через поле, и, может быть, она отыщет настоящий, живой гриб и услышит, как поют в лесу птицы...

Тѣплая, влажная дорожка бежала полем. Колхозницы пахали землю. Валентинка видела в книжках, как пахут, но там всегда были нарисованы мужчины... Ну что ж — нынче война. Мужчины ушли воевать, а женщины взялись за плуг.

А кто это там пашет на рыженькой лошадке? Кто эта женщина, такая слабая на вид, но такая ловкая и умелая? Она не дергает беспрестанно вожжами, не кричит без толку на лошадь, но лошадь у неё идёт ровно, и плуг под рукой этой женщины не виляет в стороны, а ведёт прямую глубокую борозду. Кто эта женщина в такой знакомой голубой кофточке, выцветшей на плечах?

И Валентинка узнала:

— Смотрите, смотрите! Вот наша мама пашет!

Нежной прохладой, влажными запахами, звонкими птичьими разговорами встретил их лес. Деревья были ещё голые, но на кустах уже развернулись почки. А внизу, приподняв почерневшую прошлогоднюю листву, пышно и весело красовались цветы. Они заполнили все лесные прогалины — лиловые, красные, розовые среди тёмных мохнатых листьев.

— Дедушка, что это? — удивилась Валентинка. — Смотри, на одной веточке разные цветы!

— Это медуница, — ответил дед. — А что разные цветы, так что же? Те, что лиловые, постарше, а те, что розовые, помоложе...

Немного дальше, в тени широких ёлок лежали пласты снега.

Но цветы росли и возле самого снега, и даже сквозь снег пробивались нежные зелёные ростки.

Тайска и Романок пошли вдоль опушки на вырубку — там



возле пней весной родятся сладкие грибы сморчки. Но Валентинка осталась возле дэда.

А дед рассказывал. Лесные цветы — это пёрвые цветы весенние. Другие только ещё в семенах просыпаются, а у ётих под чёрной листво́й уже и почки и бугóны гóтovy. Чуть снег посторонился, они и выскочили!

Дед показáл Валентинке ветряницу — лёгкий бёлый цветóк, задумчиво глядévший из полумрака чащи. Раскопáл слой

листвы, и она увидела закрученные спиралью бледные ростки папоротника. Отыскал для неё странное растение — петров крест. Почти целый год живёт оно под землёй и только ранней весной, когда ещё светло в лесу, выкидывает из-под земли толстый чешуйчатый стёбель и начинает цвести, а потом снова убирается под землю. Правда, эти чешуйки вовсе не похожи на цветы. Ну что же, каждый цветёт как умеет.

Всё удивляло Валентинку, всё приманивало её: и лимонная бабочка, прилетевшая на медунцу, и красные шишечки, чуть наклонившиеся на концах еловых лап, и лесной ручеёк, блеснувший в овражке, и птицы, перелетающие с вершины на вершину...

Дед выбрал деревце для оглобли и начал рубить. Звонко аюкались Романок и Тайска, они уже шли обратно. Валентинка вспомнила о грибах. Что же, она так и не найдёт ни одного?

Валентинка хотела бежать навстречу Тайске. Недалеко от опушки, на краю оврага, она увидела что-то голубое. Она подошла ближе. Среди лёгкой зелени обильно цвели яркие цветы, голубые, как весеннее небо, и такие же чистые, как оно. Они словно светились и сияли в сумраке леса. Валентинка стояла над ними, полная восхищения:

— Подснежники!

Настоящие, живые! И их можно рвать. Ведь их никто не сажал и не сеял. Можно нарвать сколько хочешь, хоть целую охапку, целый сноп, хоть все до одного собрать и унести домой!

Но... оборвет Валентинка всю голубизну, и станет прогалинка пустой, измятой и тёмной. Нет, пусть цветут! Они здесь, в лесу, гораздо красивее! Только немножко, небольшой букетик она возьмёт отсюда. Это будет совсем незаметно...

Когда они вернулись из лесу, мать была уже дома. Она только что умылась, полотенце ещё висело у неё на руке.

— Мамушка! — ещё издали закричала Тайска. — Мамушка, ты гляди, каких мы сморчков набрали!

— Мамка, давай обедать! — вторил Романок. — Мамка, обедать!

А Валентинка подошла и протянула ей горсточку свежих голубых цветков, ещё блестящих, ещё пахнущих лесом:

— Это я тебе принесла... мама!



О Г Л А В Л Е Н И Е

Как дѣвочка в синем капоре появилась в селѣ Нечѣеве . . .	3
Утро	7
Страшный дед. Тайске попадает от матери	10
Новые знакомые	13
Мать устраивает необыкновенную баню	19
У Романка появляется танковая бригада. На белом столешнике расцветают алые цветы	21
Гости пьют чай с лепешками и осуждают мать	27
Дѣвочки остаются в доме одни и ведут хозяйство	30
На окнѣ зацветает весна. Дед оказывается не страшным и не сердитым	38
Прибыль в доме. В избѣ появляются новые жильцы	42
Валентинка заводит в овчарне нерушимую дружбу	44
Валентинка рассказывает историю	47
Тайска уводит Валентинку на улицу и неожиданно получает синяк	50
Праздник весны. Жаворонки из теста	56
Лѣд пошел. Романок чуть не превратился в Магеллана	60
Огонек увидел солнце	64
Письмо с фронта	70
Подснежники	73

Для начальной школы

Воронкова Любовь Федоровна

ДЕВОЧКА ИЗ ГОРОДА

Ответственный редактор М. В. Сальникова.
Художественный редактор Л. Д. Бирюков
Технический редактор Е. М. Захарова
Корректор З. С. Ульянова

Сдано в набор 5/IV 1972 г. Подписано к печати
20/VIII 1972 г. Формат 70×90¹/₁₆. Печ. л. 5. Усл.
печ. л. 5,85. (Уч.-изд. л. 3,74). Тираж 300 000 экз.
ТП 1972 № 585. Цена 14 коп. на бум. № 2.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Детская литература» Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр.
М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат
детской литературы Государственного комитета
Совета Министров РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. Калинин, проспект
50-летия Октября, 46. Заказ № 751.

Воронкова Л. Ф.

В75 Девочка из города. Рис. А. Парамонова. М.,
«Дет. лит.», 1972.

78 с., с ил. (Школьная б-ка для нерусских школ),
300 000 экз., 14 к., в пер.

Повесть известной детской писательницы Л. Ф. Воронковой о жизни девочки в годы Великой Отечественной войны, о том, как эта девочка потеряла родителей и нашла новую семью. Повесть получила горячее признание у многочисленных юных читателей у нас и за рубежом.

7—6—2
585—72

Р-2

Scan Kreyder - 24.07.2018 - STERLITAMAK

14 коп.